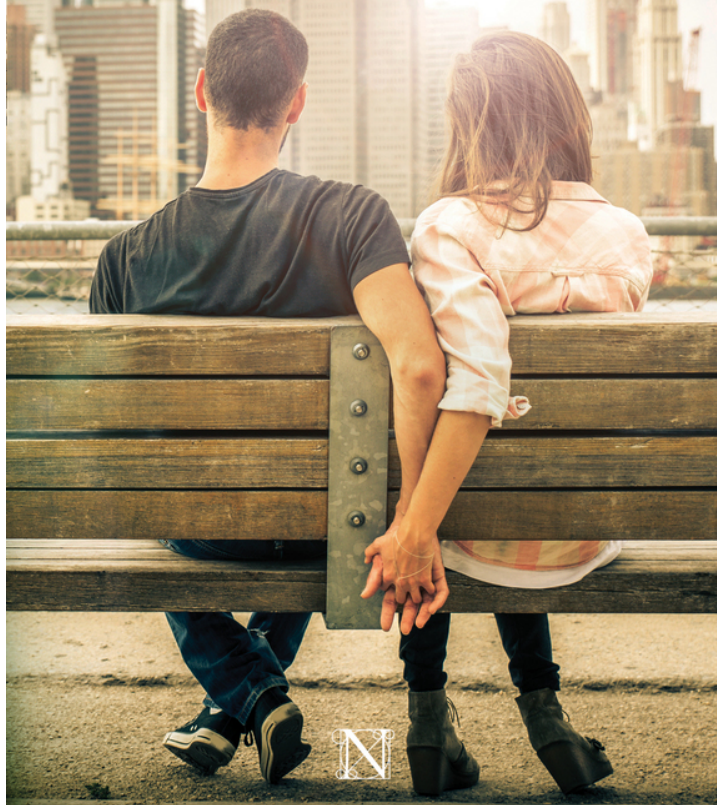

САРА ДЕССЕН
ЧТО ТАКОЕ
«НАВСЕГДА»

Сара Дессен
Что такое «навсегда»
Серия «Настоящая сенсация!»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29181094
Что такое «навсегда». Роман: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-102714-8

Аннотация

Жизнь семнадцатилетней Мейси Куин разрушилась...

Любимый отец скоропостижно скончался. Мать, всегда отличавшаяся властным характером, после смерти мужа стала буквально одержима жадой контроля, а ее перфекционизм начал принимать болезненные формы. Кроме того, бойфренд Мейси предложил ей сделать перерыв в отношениях.

Растерянная, сбитая с толку, страдающая от горя утраты и невозможности соответствовать материнским представлениям об «идеальной дочери», девушка решает что-то резко изменить и устраивается на лето официанткой.

Мейси и не подозревает, что на новом месте работы ей предстоит найти и новых друзей, и человека, который сумеет объяснить простую истину: что толку стремиться к совершенству, если оно не приносит счастья?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	50
Глава 4	74
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сара Дессен

Что такое «навсегда»

Роман

Sarah Dessen

The Truth about Forever

© Sarah Dessen, 2004

© Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается, как всегда, Джею и моим кузенам, которым не хуже чем мне известны вид на реку и залив, сложные правила нашей игры в прятки и все пути, что не ведут в рай. Чтобы назвать каждого, пришлось бы написать еще одну книгу. Вы сами знаете, кого я имею в виду.

Глава 1

Джейсон собирался в «лагерь для умников», который все так и называли, хотя у него было и другое, официальное, название.

– Так. – Последняя пара носков аккуратно засунута в свободную щелочку между вещами в чемодане. – Давай еще раз пройдемся по списку.

Передо мной лежал листок бумаги.

– Ручки. Тетради. Телефонная карточка. Батарея для фотоаппарата. Витамины.

Джейсон методично перебирал предметы, которые я называла, убеждаясь в их наличии. Он всегда и все проверяет по сто раз – ему нужна стопроцентная уверенность.

– Калькулятор, – продолжала я. – Ноутбук...

– Стоп! – Он поднял руку, подошел к столу, открыл чехол, убедился, что ноутбук никуда не убежал, и кивнул.

– Переходим к списку номер два.

Я пробежала взглядом листок и откашлялась.

– Чистые диски. Адаптер. Наушники...

Когда мы прошлись по второму списку, а потом закончили с первым, дважды остановившись на подзаголовках «Туалетные принадлежности» и «Разное», Джейсон, кажется, удостоверился, что ничего не забыл. Тем не менее он продолжал наворачивать круги по комнате и что-то бормотать

себе под нос. Нелегко быть совершенным. Если вам это не дано, то можете даже не пробовать.

Джейсон не просто стремился к совершенству. В отличие от многих он не считал его недостижимым. Чтобы достичь совершенства, моему бойфренду оставалось сделать всего несколько шагов. Будь совершенство городом, он бы не просто приехал туда на экскурсию. Нет, он перебрался бы туда жить.

Поэтому Джейсон был чемпионом штата по математике, руководил дискуссионным клубом, получал на экзаменах самые высокие баллы в истории школы, учился по углубленной программе с седьмого класса и по программе колледжа с десятого. Он два года подряд занимал пост президента ученического совета, отвечал за новаторскую программу переработки отходов, внедряемую теперь в школах по всей стране, а также свободно владел испанским и французским. Учебой дело не ограничивалось: Джейсон практиковал веганство, а все прошлое лето помогал строить жилье для бездомных. Занимался йогой, каждое второе воскресенье навещал свою бабушку в доме престарелых и с восьми лет переписывался с мальчиком из Нигерии. У него получалось все, за что бы он ни брался.

Кое-кого его перфекционизм раздражал, но только не меня. Мне нужен был именно такой бойфренд, и я поняла это сразу, как только увидела его впервые – в десятом классе на уроке английского. Нас тогда разделили на группы, чтобы

выполнить задания по «Макбету», и мы с Джейсоном и Эми Ричмонд оказались в одной «тройке». Эми сразу же призналась, что «не особо в ладах со стариной Шекспиром», уронила голову на рюкзак и спокойно уснула. Джейсон удивленно посмотрел на нее и открыл учебник:

– Ну что ж, приступим.

Это произошло вскоре после папиной смерти, я тогда большей частью молчала. Слова приходили с трудом, порой я их просто не узнавала, и целые предложения казались написанными на иностранном языке. Несколькими днями ранее я, напечатав вверху страницы свое имя, поймала себя на том, что проверяю буквы и их порядок, как будто не уверена даже в том, как меня зовут. Так что «Макбет» оказался для меня неразрешимой загадкой – я все выходные боролась с архаичным языком и странными именами персонажей, тщетно стараясь уяснить смысл истории.

Открыв книгу, я уставилась в текст.

Умри я час назад, я жизнь бы прожил
Счастливец, ибо для меня теперь
Все стало прахом в этом бренном мире,
Где больше нет ни щедрости, ни славы¹.

«Нет, этого мне никогда не понять», – подумала я.
К счастью, Джейсон явно не собирался упускать отличную

¹ У. Шекспир. Макбет. Перевод Ю. Корнеева.

оценку и по привычке взял дело в свои руки. Он открыл тетрадь на чистой странице, занес ручку и обратился ко мне:

– Сначала давай определимся с основными темами. Тогда поймем, о чем писать.

Я кивнула. Вокруг галдели одноклассники, усталый голос учителя тщетно призывал всех к тишине. Джейсон начертил на листе несколько линий и четким квадратным почерком написал: «Убийство. Власть. Брак. Мечь. Пророчество. Политика». Мне показалось, что это будет продолжаться вечно, но он вдруг остановился и поднял взгляд на меня.

– Что еще?

Я поспешно опустила глаза в книгу, как будто написанные там слова могли внезапно обрести смысл. Джейсон терпеливо ждал, когда я внесу свою лепту. Я пробормотала что-то нечленораздельное, сглотнула и призналась:

– Если честно, я не понимаю.

Я была уверена, что Джейсон сейчас посмотрит на меня таким же презрительным взглядом, как на уснувшую посреди урока Эми Ричмонд, но, к моему удивлению, он отложил ручку и деловито спросил:

– Какой акт ты не поняла?

– Все, – призналась я, и он не закатил глаза, как я ожидала. Тогда я добавила: – В смысле, я знаю, что пьеса об убийстве, и там вторжение, но остальное... Ничего не понятно.

– Смотри, – он снова взял ручку, – все не так сложно, как тебе кажется. Чтобы понять, надо начинать с пророчества о

том, что должно случиться.

Он принялся листать страницы, нашел нужное место и прочел абзац вслух.

– Видишь, вот здесь.

В его прочтении слова, как по волшебству, менялись, становились простыми и понятными. И я впервые за долгое время почувствовала спокойствие. Мне давно хотелось, чтобы кто-то вот так же легко и понятно объяснил, что случилось со мной, с моей жизнью, разложил все по полочкам. В глубине души я подозревала, что это не так просто, но Джейсон подарил мне надежду. Он разобрался в «Макбете», и я решила, что он поможет мне разобраться в себе. Меня потянуло к Джейсону, и я так и осталась рядом с ним.

Теперь он застегнул молнию на сумке с ноутбуком, положил ее на кровать к остальным вещам и в последний раз оглядел комнату:

– Ладно, пойдем.

Когда мы вышли из дома, его родители уже сидели в своем «Вольво». Мистер Тэлбот открыл багажник и помог сыну уложить вещи. Я села сзади и пристегнула ремень безопасности. Миссис Тэлбот повернула голову и улыбнулась мне с переднего сиденья. Она преподавала в университете ботанику, а ее муж – химию. Оба были такие ученые, что, когда я случайно встречала их без книги или папки с бумагами, мне казалось, у них не хватает руки или ноги.

– Ну, Мейси, – попыталась завязать беседу миссис Тэл-

бот, — чем будешь заниматься до августа, пока Джейсон в лагере?

— Не знаю.

Следующие два месяца я должна была подменять Джейсона за информационной стойкой в библиотеке. Кроме этого, заняться было решительно нечем. Друзья по ученическому совету разъехались: кто в Европу, кто в лагерь. Честно говоря, я проводила с Джейсоном почти все время, остававшееся от учебы, йоги, школьного самоуправления и всяких дополнительных нагрузок, так что ни с кем особо не общалась.

Кроме того, моего бойфренда раздражали люди, не разделяющие его отношение к жизни, так что я не стремилась с кем-то его знакомить. Если кто-то казался ему тупицей или бездельником, Джейсон быстро выходил из себя, поэтому проще было гулять вдвоем или с его друзьями, которые были ему ровней. Впрочем, я никогда не переживала по этому поводу. Даже у совершенства могут быть свои недостатки.

По дороге в аэропорт Джейсон с отцом обсуждали какие-то выборы в Европе, а его мама без конца жаловалась на дорожные работы. Я сидела, опустив взгляд на наши колени, между которыми оставалась пара сантиметров пустого пространства, и спрашивала себя, почему я не пытаюсь подвинуться ближе. Надо признаться, уже не в первый раз. Джейсон поцеловал меня только на третьем свидании, а теперь, спустя полтора года, мы еще не обсуждали возможность чего-то большего. Когда мы только начали встречать-

ся, я не выносила даже объятий и не хотела подпускать кого-то слишком близко. Мне нужен был парень, который поймет мои чувства. Но в последнее время хотелось чего-то еще.

В аэропорту родители попрощались с Джейсоном у входа. Они обняли сына, прошли через зал ожидания к окну и уставились на взлетную полосу с куском голубого неба, тактично оставив нас наедине. Я тоже обняла Джейсона и уткнулась ему в плечо, вдыхая его запах, чтобы запомнить на все лето. От него пахло спортивным дезодорантом и лосьоном от угрей.

– Я буду очень скучать по тебе, – сказала я.

– Всего каких-то восемь недель, – ответил он, целуя меня в лоб.

Затем быстро – так быстро, что я даже не успела ничего почувствовать, – чмокнул в губы, отстранился и посмотрел в лицо, обнимая за талию.

– Я буду писать, – и снова поцеловал в лоб.

Когда объявили рейс и Джейсон скрылся в туннеле, ведущем в самолет, я стояла с Тэлботами, глядя ему вслед и чувствуя тяжесть в груди. Длинное будет лето. Мне так хотелось настоящего поцелуя, который запомнился бы надолго, но я уже очень давно научилась не требовать слишком многого от прощаний. Они ничего не обещают и не гарантируют: радуйся, что с тобой вообще попрощались.

Мой отец умер у меня на глазах. Именно это приходило в

голову всем, кто слышал мое имя. Я – не Мейси Куин, дочь Деборы, которая строит восхитительные дома в новом элитном районе. И не младшая сестра Кэролайн, у которой прошлым летом была самая потрясающая свадьба в округе. И даже не чемпионка, побившая однажды рекорд школы по бегу на короткую дистанцию.

Нет. Я – Мейси Куин, которая проснулась на следующий день после Рождества, вышла на улицу и увидела, что ее отец лежит на дороге, а какой-то прохожий пытается оказать ему первую помощь.

Я была для всех девочкой, на глазах которой умер ее отец. Стоило людям увидеть меня, как они сразу же вспоминали эту трагическую историю, и на их лицах немедленно появлялось особенное выражение: голова чуть набок, скорбно поджатые губы, печаль в глазах. Они как бы говорили: «О господи, бедняжка Мейси!» Я не сомневалась в их добрых намерениях, но для меня это было лишь ничего не значащее сокращение мускулатуры. Я ненавидела это выражение, преследовавшее меня везде.

Впервые это случилось в больнице. Я сидела на пластмассовом стуле возле автомата с водой, когда из маленькой комнаты ожидания вышла моя мама. Я уже знала, что туда приглашают людей, чтобы сообщить самую плохую новость: тот, кого они ждали, умер. Чуть раньше мне пришлось наблюдать, как это произошло с другой семьей: десять шагов, поворот за угол, и надежда сменяется безысходностью.

Когда мама вышла ко мне, я уже все поняла. Ее сопровождала толстая медсестра с какими-то бумагами. Она увидела меня – в спортивных штанах, растянутом свитере и старых беговых кроссовках, и на ее лице появилось это выражение: «Ох, бедняжка». Тогда я еще не знала, что оно будет преследовать меня везде: на похоронах, в магазине, в школе, даже на улице. Я опускала голову, утыкаясь взглядом в землю или рассматривая потертости на туфлях, но все равно чувствовала эти жалостливые взоры.

Рядом со мной рыдала моя старшая сестра Кэролайн. Она плакала все время: пока шла служба в церкви, потом в лимузине, на кладбище, дома на поминках. Она так много плакала, что мне казалось, я не имею права ни на одну слезинку, даже если бы и могла ее выдавить. Если бы заплакал кто-то еще, все стало бы совсем невыносимо.

Я не могла примириться с тем, что папа ушел. Я ненавидела себя за то, что лениво и сонно отмахнулась, когда он заглянул в мою комнату и позвал на пробежку.

– Мейси, вставай, – шепнул он мне в ухо, – я дам тебе фору. Давай, ты же знаешь: только первый шаг дается с трудом.

Я ненавидела себя за то, что передумала только через пять минут, а не через две или три, и за то, что слишком долго искала спортивные штаны и зашнуровывала кроссовки. Я ненавидела себя за то, что бежала эти несколько сотен метров слишком медленно, и когда добежала до папы, он уже не мог ни услышать мой голос, ни посмотреть мне в лицо.

Я стала девочкой, отец которой умер у нее на глазах, все об этом знали, и я не могла ничего изменить. Но злость на себя и страх оставались моей тайной, и я не собиралась делиться ею с окружающими. Это мое личное.

Когда я вернулась домой из аэропорта, на крыльце стояла коробка. Стоило мне взглянуть на обратный адрес, и все стало понятно.

– Мам? – крикнула я в гулкую пустоту дома, и дверь за моей спиной захлопнулась.

Столовая украшена цветами вперемешку со стопками рекламных брошюр – все готово к вечернему коктейлю в честь мамино нового проекта. Она только что начала строить новую очередь элитных таунхаусов, которые ей надо продать. Об этом сообщает лозунг над камином: мамино улыбающееся лицо и надпись: «„Дома Куин“ – мы построим вам королевский замок!»

Я прошла на кухню, поставила коробку на кухонный остров, точно по центру, подошла к холодильнику и налила себе апельсинового сока. Выпила все до последней капли, сплоснула стакан и поставила в посудомойку. Но, как бы я ни тянула время, коробка ждала меня. Надо было с этим покончить. Я достала из ящика ножницы и вспорола упаковочную ленту. Обратный адрес, как и на остальных посылках, гласил: «Уотервилл, штат Мэн». Внутри лежал листок с напечатанным текстом:

Дорогой мистер Куин! Как одному из самых ценных клиентов компании «Товары И Зет», мы предлагаем Вам опробовать нашу новую продукцию. Мы искренне надеемся, что она станет важной частью Вашей повседневной жизни и сэкономит Ваше драгоценное время, как и многие другие наши товары, приобретенные Вами на протяжении долгих лет. Если по каким-либо причинам наша продукция Вам не подойдет, Вы можете вернуть ее в течение тридцати календарных дней. Еще раз благодарим за сотрудничество. С любыми вопросами Вы можете обратиться в отдел по работе с клиентами, позвонив по нижеуказанному номеру. Мы работаем, чтобы сделать Вашу жизнь лучше, продуктивнее и комфортнее.

*С наилучшими пожеланиями,
президент компании «Товары И Зет»
Уолтер Ф. Темпест*

Я высыпала кусочки упаковочного пенопласта и аккуратно сложила их возле коробки. Внутри оказался пакет с двумя картинками. На первой была изображена женщина, стоящая на кухне и взирающая на стол, заваленный рулонами фольги и упаковочной бумаги, с такой растерянностью, будто ее сейчас хватит удар. На второй – та же самая женщина, на том же месте, но уже никаких рулонов, только к стене прикреплена небольшая пластиковая коробочка, из которой она вытягивает какую-то обертку. На этот раз у женщины такое

блаженное выражение лица, которое бывает разве что у мадонн на картинах или у людей, принимающих тяжелые наркотики. «Надоело сражаться с тоннами оберточной бумаги и бороться с беспорядком в шкафчиках? Купите „Аккуратного упаковщика“, и вы получите то, что вам нужно. Удобные отделения с пакетами для сэндвичей и для заморозки, фольгой и оберточной бумагой спасут вас от беспорядка в ящиках. Все и всегда будет под рукой!» – гласила надпись под картинками.

Я провела пальцем по краю коробки и отложила ее в сторону. Странно, что может разбудить тоску по человеку. Я пережила похороны с кучей народу, бесконечный поток открыток с соболезнованиями, сочувственный шепот на поминках. Но каждый раз, когда приходила очередная коробка из штата Мэн, мое сердце разлеталось на кусочки.

Папа обожал такие штучки и не мог пройти мимо любой ерунды, которая якобы упрощает жизнь. Эта его слабость и склонность к бессоннице представляли собой взрывоопасное сочетание. Поздним вечером он часто сидел на первом этаже, просматривая контракты или отправляя письма, и вдруг по телевизору начиналась реклама очередного чуда. Он попадался с первых секунд: сначала на делано счастливую улыбку ведущего, непринужденно болтающего с производителем товара, потом на демонстрацию, после которой следовало обещание подарка за немедленный заказ. К этому моменту он уже доставал из кармана кредитку, а другой ру-

кой набирал номер.

– Это настоящее чудо, – возбужденно говорил он мне, предвкушая очередной заказ. Для него все было чудом: и «Полный набор поздравительных открыток» на все праздники, от фестиваля Кванза до летнего солнцестояния (и ни одной открытки с Рождеством), купленный им для мамы, и похожая на капкан пластиковая шутовина, обещающая легко и быстро уложить мои волосы в настоящий французский узел (закончилось тем, что ее пришлось вырезать вместе с волосами).

Папа не переживал из-за того, что мы с мамой и сестрой весьма скептически относимся ко всем этим «новинкам», ведь они обещали ответы на главные жизненные вопросы. Не философские вопросы – откуда взялось человечество и есть ли Бог, – а самые что ни на есть житейские: действительно ли существует зубная щетка, с помощью которой можно и зубы чистить, и рот полоскать? Для папы ответ был очевиден: «Конечно да!»

– Вы только посмотрите! – восхищенно говорил он, пытаюсь заразить нас своим энтузиазмом. Папа во всем умел находить хорошее.

– Видишь, – он ставил передо мной подстаканники, вырезанные из поролона, или говорящий карманный напоминатель, или кофеварку с дистанционным управлением, – какая великолепная идея! Большинство людей даже не задумываются, как это может облегчить жизнь!

Я с самого раннего детства знала, как нужно отвечать, чтобы его порадовать: «Ух ты, здорово!»

Прирожденная актриса, Кэролайн в отличие от меня даже не пыталась прикинуться заинтересованной: «О боже, папа, зачем ты покупаешь всю эту ерунду?» Мама старалась поддерживать папу сколько могла. Когда он получил кофеварку с дистанционным пультом управления, мама спрятала недавно купленную кофемашину и начала пользоваться папиным чудом техники. Но когда однажды в три часа ночи мы проснулись от запаха кофе, потому что кофеварка уловила сигнал от соседской радионяни, чудо техники с позором выдворили из кухни. Мама честно старалась привыкнуть и к новому держателю для салфеток, который папа установил в ее машине, ведь он, как утверждали производители, сводил к минимуму опасность аварии, но однажды держатель отвалился на полном ходу и треснул ее по лбу, так что она чуть не выехала на встречную полосу.

Папину смерть мы все переживали по-разному. Кэролайн взяла на себя эмоциональную составляющую. Она так много плакала, что, казалось, вот-вот высохнет. Я молчала, злилась и отказывалась горевать, потому что этого все от меня ждали. А мама начала приводить в порядок все, что попадалось на глаза. Через два дня после похорон она устроила генеральную уборку. Деловито перемещалась по дому, искря статикой, и от нее исходило такое напряжение, что у меня начинали стучать зубы.

Я стояла в дверях своей комнаты, наблюдая, как она опустошает бельевой шкаф, отправляя в мусорный мешок старые махровые полотенца и никому не нужные двойные простыни. На кухне в мешок с грохотом полетело все подряд – одинокий стакан в форме банки для джема, бесплатная рождественская тарелка из «Банки печенья»... Она перетаскивала мешок из комнаты в комнату, пока не наполнила до отказа. Все оказалось под угрозой. Вернувшись однажды из школы, я обнаружила, что мой шкаф тоже подвергся нападению: из него исчезли все вещи, которые я давно не носила, а оставшиеся были аккуратно разложены по полочкам. Я поняла, что ни к чему нельзя привыкать. Стоит отвернуться – и ты это потеряешь.

«Товары И Зет» держались до последнего. Но в субботу, через неделю после похорон, мама проснулась в шесть утра и начала выносить из гаража коробки с вещами для волонтеров из «Доброй воли». К девяти гараж почти совсем опустел. На улице оказались старая беговая дорожка, садовые шезлонги, коробки с совсем новыми рождественскими украшениями. Я, конечно, волновалась за маму, устроившую этот разгром, но еще больше меня беспокоило другое. Что будет, когда все закончится, и единственными объектами, которые можно оставить или выбросить, останемся мы с сестрой? Я прошла по траве к подъездной дорожке, обойдя пирамиду банок с краской.

– Ты хочешь все это отдать?

– Да, – кивнула мама, наклонившись над коробкой с плюшевыми игрушками, – если тебе что-то нужно, то забирай, пока не поздно.

Я стала разглядывать осколки своего детства. Розовый велосипед с белым сиденьем, сломанные пластмассовые санки, спасательные жилеты из катера, проданного много лет назад. Весь этот вроде бы ненужный хлам по какой-то непонятной причине был мне очень дорог. Я понятия не имела, что взять. И тут мне на глаза попалась коробка от «И Зет». На самом верху лежало самонагревающееся полотенце для рук, которое папа еще пару недель назад называл чудом науки. Я бережно достала полотенце из коробки и пропустила между пальцами тонкую махровую ткань.

– Вряд ли тебе пригодится этот бесполезный хлам, Мейси, – нахмурилась мама, державшая в руках ящик с мягкими игрушками. Сверху торчал облезлый жираф, принадлежавший, насколько я помнила, Кэролайн.

– Знаю, – тихо отозвалась я.

Тут, громко сигналя, подъехал фургон из «Доброй воли». Мама помахала волонтерам рукой и пошла показывать, что забирать. Пока они грузились, я стояла и думала, сколько раз в день этим людям приходится заходить в чужие дома и забирать вещи. И все равно ли им, умерли владельцы этих вещей, или хозяева просто избавляются от ненужного хлама?

– Смотрите, ничего не забудьте! – крикнула мама, направляясь в дом.

Двое парней подняли беговую дорожку.

– У меня есть и пожертвование, сейчас принесу чековую книжку!

Волонтеры продолжали грузить в машину коробки и ящики, а я все стояла и смотрела.

Невысокий паренек с рыжими волосами, вернувшийся вместе с напарником за рождественской елкой, кивнул на коробку у моих ног.

– Это тоже?

Я чуть не сказала «да», но, взглянув на полотенце и на все остальное, вспомнила, как радовался папа этим посылкам, как улыбался, доставая новое приобретение, как хотел поделиться со мной своей радостью первооткрывателя.

– Нет, это мое. – Я подняла коробку и понесла в свою комнату. Подтащила стул к шкафу, вскарабкалась наверх. Выдвижная панель над самой верхней полкой открывалась прямо на чердак. Я отодвинула ее и толкнула коробку в темноту.

Мы полагали, что папина смерть положила конец нашим отношениям с компанией «И Зет», но через месяц после похорон на пороге вдруг обнаружилась новая посылка, на сей раз комбинация ручки и карманного степлера. Мы с мамой решили, что это папин последний заказ, но снова ошиблись, потому что еще через месяц нам прислали декоративный садовый разбрызгиватель в виде камня.

Мама позвонила в компанию. Менеджер по работе с клиентами рассыпалась в извинениях и объяснила, что благода-

ря количеству заказов папа получил статус Золотого клиента, так что ему каждый месяц приходит бесплатный товар на тестирование, но это ни к чему не обязывает. Она клятвенно пообещала исключить папу из списка. Однако после этого обещания посылки продолжали приходить с завидной регулярностью, хотя мама аннулировала кредитку, которой папа пользовался для оплаты заказов.

У меня была на этот счет теория, которой я ни с кем не делилась. Папа умер на следующий день после Рождества, когда подарки уже открыты, ими начинают пользоваться или прячут подальше. Маме достался браслет с бриллиантами, сестре – горный велосипед, а мне папа подарил только свитер, несколько компакт-дисков и открытку, на которой нацарапал своим неровным почерком: «Жди большего...» Когда я прочла эти слова, папа многозначительно кивнул.

– Твой подарок опаздывает, зато он особенный, – загадочно сказал он. – Тебе понравится.

Я не сомневалась в его словах. Папа знал меня лучше, чем кто-либо другой, он понимал, чем меня можно порадовать. Мама рассказывала, что в детстве я всегда начинала плакать, как только теряла папу из виду, и наотрез отказывалась есть, если мое любимое блюдо – ярко-оранжевые макароны с сыром, доллар за три пачки в ближайшей бакалее, готовил не он. Но дело не только в эмоциях. Мы с папой были настроены на одну волну. Даже в тот страшный, самый последний день, когда ему не удалось разбудить меня, несколькими ми-

нутами позже меня словно вытолкнуло из постели. Может, у него уже начинался сердечный приступ, и я почувствовала его боль. Я никогда не узнаю.

В те первые дни я много думала об открытке с обещанием большего. Что же хотел подарить мне папа? И хотя я была уверена, что это не какая-нибудь ерунда от «И Зет», непрекращающийся поток посылок действовал утешительно, словно папа все еще со мной и держит слово.

Каждый раз, когда мама относила коробки в мусорку, я перехватывала их и пополняла свою коллекцию. Я никогда не пользовалась их содержимым, предпочитая верить обещаниям чуда на слово. Хранить память о человеке можно по-разному, но мне казалось, что такой способ понравился бы папе больше других.

Глава 2

– Мейси, солнышко, спускайся, гости прибывают! – Мама звала меня уже второй раз, но я продолжала стоять перед зеркалом, расчесывая волосы, не желавшие соответствовать моим представлениям о совершенстве.

Раньше я не слишком интересовалась своей внешностью. Я знала, что из-за невысокого роста кажусь младше своих лет, лицо у меня круглое, глаза карие, а веснушки на носу, очень заметные в детстве, теперь видны только с близкого расстояния. Летом мои светлые волосы выгорали и приобретали зеленоватый оттенок от плавания в бассейне. Слово «прическа» означало для меня резинку на запястье, чтобы можно было в любую минуту сделать хвостик. Меня не волновало, как я выгляжу, важно было, что я могу – например, быстро бегать.

Однако для новой Мейси, стремившейся к совершенству, внешность составляла важную часть образа. Если хочешь, чтобы тебя считали солидной и серьезной, нужно примерно так и выглядеть.

Это требовало усилий. Всегда идеально уложенные волосы, каждая прядь на своем месте. Если меня подводила кожа, я пускала в ход консилер и основу для макияжа, чтобы замаскировать красные пятнышки и темные круги под глазами. В последнее время я могла сидеть перед зеркалом по

полчаса, нанося на веки тени и подводку, подкручивая и разделяя ресницы и по тысяче раз проводя по ним щеточкой. Я увлажнила лицо, почистила зубы нитью, выпрямилась и встала. Вот теперь хорошо.

– Мейси? – Снизу снова послышался мамин голос, звонкий и бодрый.

Я в последний раз провела расческой по волосам и отступила на шаг от зеркала. Идеально. И как раз вовремя.

Когда я спустилась, мама стояла в дверях, приветствуя своей фирменной улыбкой вновь прибывшую пару гостей. Мама умела правильно улыбаться людям, которые могли вложить деньги в ее проект: уверенно, но не высокомерно, дружелюбно, но без заискивания. Она не хуже меня знала, какое большое значение имеет внешность. В торговле недвижимостью, как и в старшей школе, все зависит от первого впечатления. Оно может спасти от катастрофы или разрушить все твои планы.

– Наконец-то! – обернулась она ко мне. – Я уже начала волноваться.

– Никак не могла уложить волосы, – отозвалась я, вежливо улыбаясь новым гостям, показавшимся на пороге. – Чем тебе помочь?

Мама заглянула в гостиную, где несколько человек изучали варианты оформления таунхаусов на плакатах, прикрепленных к стене. Когда мама затевала новый проект, то всегда устраивала прием для потенциальных клиентов. «Луч-

ший способ убедить людей, что ты можешь построить дом их мечты, – показать им свой собственный», – считала она. Стратегия правильная, если только вас не раздражают незнакомые люди, слоняющиеся по вашей гостиной.

– Будь добра, загляни на кухню и проверь, как там дела с едой и напитками, – ответила мама. – А если вдруг заметишь, что заканчиваются брошюры, то в гараже есть еще одна коробка.

Она снова огляделась по сторонам и улыбнулась вновь прибывшим гостям.

– Да, и если кто-то спросит, где ванная комната...

– Вежливо и тактично показать им, куда пройти, – закончила я за нее.

Показывать людям, где ванная комната, было моей главной обязанностью на маминых приемах. Можно сказать, моей специальностью.

– Умница. – Мама поспешила к двери, заметив у входа какую-то даму в брючном костюме.

– Добро пожаловать! – воскликнула она. – Я Дебора Куин. Очень рада, что вы пришли!

Мама не знала эту женщину, но если хочешь что-то продать, надо вести себя так, словно все люди мира – твои хорошие знакомые.

– Мне нравится этот район, – заметила гостья. – Я как раз узнала, что вы собираетесь начать застройку, и...

– Я покажу вам подробные планы домов, – предложила

мама. – Вы заметили, что во всех проектах присутствует гараж на две машины? Знаете, многие люди не понимают, как важен отапливаемый гараж.

Ну все, мама оседлала своего конька. Трудно поверить, что когда-то любезничать с чужими людьми было для нее мучительнее, чем сидеть в кресле у дантиста, пока он пломбирует зубные каналы. Но есть такое слово: «надо». Старайтесь, и у вас все получится. Если повезет, конечно.

Когда папа встретил маму, компания «Дома Куин», основанная им в одиночку сразу после колледжа, занималась обшивкой коттеджей деревом и уже имела неплохую деловую репутацию. Папа нанял на работу маму, только что окончившую бухгалтерский колледж, потому что его финансы пришли в полный беспорядок.

Мама изучила «документы», написанные зачастую на салфетках и спичечных коробках, привела в порядок отчетность и уладила вопрос с налогами, о которых папа «забыл» несколько лет назад. В процессе между ними вспыхнуло чувство. Они оказались идеальной командой: обаятельный папа, душа любой компании, и организованная мама, с удовольствием работавшая с документацией и «общими перспективами». Казалось, ничто их не остановит.

Наш микрорайон Уайлдфлауэр-Ридж – мамино детище. Раньше мама с папой тоже строили дома на продажу, но на этот раз они задумали полноценный жилой комплекс с особняками, таунхаусами, многоквартирными домами и неболь-

шим деловым центром, вписанный в единое зеленое пространство. Объединение города и природы, возвращение к истокам и все такое – веяние будущего, как говорила мама.

Папе сначала все это не слишком нравилось, но годы брали свое, и мамина идея позволила ему взять на себя руководство и контроль, а стучать молотками могли и другие. Через два месяца они заложили фундамент первого дома – нашего.

Они работали вместе и дальше, принимая потенциальных покупателей в своем образцовом доме. Папа находил клиентов, обрушивая свое южное обаяние на северян, а с местными обсуждал то, что их интересовало: гонки и барбекю. Он знал в этом деле толк, умел расположить к себе и вызывал доверие. Естественно, что каждый хотел доверить ему строительство своего дома. Да они бы доверили ему собственных детей! Мама же занималась документацией, согласовывала финансовые вопросы. Дома продавались, как горячие пирожки. Все шло так, как предсказывала мама. Пока не случилась беда.

Я знала, что мама винит себя в папиной смерти. В последнее время он слишком много работал, а она, как ей теперь казалось, чересчур сильно давила на него с новым проектом, и его сердце не выдержало. Если бы не это, все могло быть иначе. Со своей стороны я обвиняла себя. Я не должна была его бросать, а ей надо было оставить его в покое. Нас связывала общая тайна, о которой мы никогда не говорили...

Так легко говорить в прошедшем времени. Но мы жили

в настоящем, и у нас не оставалось выбора – надо было продолжать начатое. Мы с мамой много трудились: я – в школе, она в одиночку тянула на себе весь бизнес. Каждое утро мы расправляли плечи, укладывали волосы и приветствовали весь мир улыбками, отрепетированными в доме нашей мечты, теперь ставшем чересчур большим, полным зеркал, отражавших наши улыбки. Но горе сидело глубоко внутри, и боль не проходила.

Я только что показала дорогу в ванную комнату рассерженной особе с пятном от красного вина на блузке (в нее врезался официант выездного ресторана) и вдруг заметила, что стопка брошюр на столике в холле растаяла на глазах. Радуюсь поводу прогуляться, я выскользнула на улицу.

Пройдя по центральной дорожке и обогнув стоящий на подъездной аллее фургон выездного ресторана, я повернула к гаражу. Заходящее солнце окрасило небо за грядой деревьев, отделяющей нас от соседнего района новостроек, в насыщенный золотисто-розовый цвет. Начиналось лето. Раньше это означало для меня утренние тренировки на беговой дорожке и долгие часы в бассейне в попытках усовершенствовать свое обратное сальто. Но этим летом я работаю.

Джейсон трудился в публичной библиотеке Лейквью с пятнадцати лет и обеспечил себе репутацию человека, который знает все на свете. Посетители привыкли, что он может что угодно – найти редкую книгу о Екатерине Великой

или починить вышедшие из строя библиотечные компьютеры. Они любили его по той же причине, что и я: он знал ответ на любой вопрос. Кроме того, Джейсон обладал почти культовым статусом у своих коллег, двух высокоэрудированных девушек. Обе не слишком хорошо относились ко мне, как к подруге Джейсона, поскольку, по их мнению, я сильно недотягивала до интеллектуального уровня их кумира. Я подозревала, как нового сотрудника они примут меня еще прохладнее, и не ошиблась. Они хихикали, когда Джейсон показывал мне все тонкости работы с библиотечной поисковой системой, и дружно закатывали глаза в ответ на мои вопросы о карточном каталоге. Джейсон, казалось, ничего не заметил, а когда я намекнула ему, нетерпеливо отмахнулся.

– Тебе нужно беспокоиться не об этом, – сказал он. – Вот если ты не будешь знать, как быстро восстановить доступ к базе данных в случае системного сбоя, то у тебя могут возникнуть серьезные проблемы.

Он был, как всегда, прав. Но работа бок о бок с заносчивыми всезнайками меня заранее пугала.

В гараже я направилась к полкам, где мама держала все необходимое для работы, отодвинула в сторону таблички «Продается» и «Открытый дом» и достала коробку с брошюрами. Из открытой двери раздавались голоса, музыка, смех и звон бокалов. Я взяла коробку, выключила верхний свет и направилась к дому, чтобы продолжить выполнение своей главной обязанности. Но когда я проходила мимо мусор-

ных баков, кто-то вдруг бросился на меня из кустов с криком «Попался!».

Я подпрыгнула, завизжала и уронила коробку, которая с глухим стуком упала на землю. Брошюры разлетелись в разные стороны. Разумеется, я совершенно не ожидала такого внезапного нападения. У меня дыхание перехватило. Наступила тишина. Потом мимо проехала машина.

– Берт! Что ты делаешь? – раздался голос со стороны фургона.

Кусты у меня за спиной зашевелились и сказали:

– Я, кажется, тебя напугал?

Послышались шаги, и я увидела на дорожке юношу в белой рубашке и черных брюках, с сервировочным блюдом под мышкой. Подойдя ближе, он прищурился, стараясь разглядеть меня в полутьме, и сказал в сторону кустов:

– Нет, ты кое-кого другого напугал.

Теперь он стоял совсем рядом, и мне удалось его рассмотреть. Высокого роста, стройный, с волнистыми каштановыми волосами, слишком длинными для парня, с четкими скулами и правильными чертами лица, он был сногшибательно красив. Такого трудно не заметить, даже если у тебя есть бойфренд.

Парень спросил:

– Ты жива?

Я кивнула. Сердце еще колотилось быстрее, чем положено, но я начала приходить в себя. Он постоял, внимательно

вглядываясь в кусты, потом засунул руку в самую гущу и вытащил мальчишку, похожего на него и точно так же одетого, только ниже ростом и плотнее, с такими же темными глазами и волосами. Выглядел он на несколько лет младше, а лицо у него было красное как помидор.

– Ну ты даешь, Берт, – со вздохом сказал старший.

– Ты должна понять, – обратился ко мне тот, кого называли Бертом, – я хотел все устроить с размахом.

– Просто извинись, – посоветовал юноша.

– Извини, – сказал Берт и вытащил из волос сосновую иголку. – Я тебя кое с кем перепутал.

– Не страшно, – ответила я.

Старший толкнул его плечом и показал взглядом на брошюры.

Берт упал на колени и начал собирать листки, а мы – ему помогать.

– И ведь почти получилось, – бормотал мальчик себе под нос. – Он чуть не попался!

Возле черного хода загорелась лампа, вокруг стало светло как днем. Дверь кухни распахнулась. На лестнице стояла беременная женщина в красном фартуке, с черными выющимися волосами, собранными на макушке.

– Что случилось, мальчики? Где блюдо, которое я просила принести?

– Здесь, – откликнулся старший парень, протягивая мне собранные с земли брошюры.

– Спасибо, – кивнула я.

– Пожалуйста. – Он поднялся по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и отдал блюдо женщине, в то время как младший собирал последние брошюры.

– Чудесно, – сказала женщина, – а теперь, Уэс, вернись к бару, ладно? Если они как следует выпьют, то не заметят, что еда задерживается.

– Конечно. – Парень нырнул в дверь и исчез на кухне.

Женщина провела рукой по животу и взгляделась в стущавшиеся сумерки.

– Берт! Где...

– Здесь я, – отозвался Берт из-под террасы.

Она обернулась на звук его голоса.

– Ты что, на земле?

– Ага.

– И что ты там делаешь?

– Ничего.

– Понятно. Когда закончишь, вынеси, будь добр, крабовые биточки, они остывают.

– Ясно. Уже иду.

Женщина вернулась в кухню, и до меня донеслись какие-то восклицания насчет канapé. Берт вылез из-под террасы, сложил собранные брошюры в стопку и протянул мне.

– Мне правда очень жаль. Так глупо вышло.

– Все в порядке, – сказала я, а он снова достал из волос листик, – просто досадная случайность.

Он серьезно посмотрел на меня:

– Случайностей не бывает.

Я удивленно взглянула на круглое лицо с пухлыми щеками и широким носом. Его густые волосы были чересчур короткими, словно их стригли дома. Он внимательно смотрел мне в лицо, словно желая удостовериться, что я поняла его слова.

– Берт! Биточки! – снова крикнула женщина.

– Да, – отозвался мальчик, встряхиваясь.

Он подошел к лестнице и начал быстро подниматься. Добравшись до верха, снова посмотрел на меня и сказал:

– Мне действительно очень жаль.

За последние полтора года я слышала эти слова так часто, что они утратили свой смысл. Но, как ни странно, у меня появилось чувство, что он говорит это искренне. Он еще раз повторил извинение и ушел.

В гостиной я застала маму погруженной в разговор с подрядчиками. Я добавила брошюр в стопку и проводила до ванной комнаты спотыкающегося мужчину, не желавшего расставаться с бокалом вина, а потом осмотрелась в поисках пустых бокалов. Вдруг из кухни донесся страшный грохот, и наступила мертвая тишина. Стихли разговоры, люди перестали ходить туда-сюда с бокалами в руках, даже сам воздух как будто замер.

– Все в порядке! – бодро провозгласил из-за двери громкий женский голос. – Продолжайте веселиться.

Послышалось удивленное бормотание, затем – чей-то неуверенный смех, и все потихоньку вернулось на круги своя. Мама, не снимая с лица улыбки, подошла ко мне и тихо сказала:

– Клиентку облили вином, закусок не хватает, да еще и катастрофа на кухне. Повезло мне с рестораном... Не могла бы ты посмотреть, что там у них случилось?

– Конечно, – согласилась я, – уже иду.

Войдя в кухню, я сразу же наступила на что-то мягкое и скользкое, а потом заметила, что по всему полу катаются какие-то маленькие шарики. Возле мойки стояла маленькая девочка, не старше трех лет, со смешными хвостиками на голове. Когда несколько шариков подкатились к ее ногам, она сунула пальцы в рот и широко распахнула глаза.

– Ну вот, – вздохнула беременная женщина в красном фартуке, стоявшая у плиты с пустым противнем в руках. – Похоже, мы остались без тефтелек.

Я подняла ногу – посмотреть, что прилипло к подошве, но дверь за моей спиной распахнулась так резко, что я чудом успела отскочить в сторону. В кухню деловито вошел Берт, на этот раз без иголок в волосах и с подносом.

– Делия, – он поставил на стол поднос с пустыми бокалами и смятыми салфетками, – нам бы еще крабовых биточков.

– А мне бы успокоительного, – отозвалась женщина усталым голосом, – но нельзя всегда получать то, что хочется. Бери сырные шарики и скажи, что крабовые биточки будут

чуть позже.

– А они точно будут? – усомнился Берт, осторожно обходя малышку, с улыбкой тянувшую к нему липкие ручонки.

Девочка уселась на пол и обиженно захныкала.

– Ну, не сию секунду, конечно, – пожала плечами Делия. – Я говорю прогностически.

– А разве есть такое слово? – удивился Берт.

– Просто возьми сырные шарики и иди! – воскликнула Делия и взяла девочку на руки.

– Люси, пожалуйста, ради бога, умоляю тебя, давай обойдемся без истерики. Да что же это такое! Я наступила на тефтельку! Где Моника?

– Я тут, – отозвался девичий голос со стороны черного хода.

– Брось сигарету и немедленно иди сюда, – раздраженноскомандовала Делия. – Возьми веник и убери эти дурацкие тефтельки. Так. Нужны еще сырные шарики, а Берт пусть вынесет... что ты хотел?

– Крабовые биточки, – напомнил Берт. – Прогностически говоря. А Уэс просил лед.

– Они в духовке, сейчас будут готовы, – Делия, не спуская девочку с рук, пошла за веником. – Биточки, разумеется, а не лед. Люси, пожалуйста, не слюнявь мамочку. А лед... черт, я не помню, где у нас лед! Куда мы его положили?

– В переносной холодильник. – Дверь черного хода открылась, и в кухню неспешно вошла высокая сутулая девушка

с длинными волосами медового цвета. Она остановилась у духовки, медленно открыла дверцу, заглянула внутрь, снова закрыла и выключила газ.

– Готово.

– Чудесно. Тогда достань их и выложи на поднос.

Делия перехватила малышку другой рукой и начала собирать тефтельки в совок. Моника со скоростью улитки добралась до рабочего стола, взяла прихватку и снова направилась к духовке.

– Я дождусь биточков или нет? – вмешался Берт. – Это уже совсем...

Делия выпрямилась и посмотрела на него. Что-то подсказало мне, что не стоит начинать выяснение отношений именно сейчас. Я подняла ногу и попробовала отскрести от подошвы остатки тефтельки.

– Хорошо, сырные шарики, – быстро сказал Берт. – Уже иду. Кстати, мне нужен помощник. Ношусь как ошпаренный, – и он вышел за дверь.

Делия устало вздохнула:

– Моника, тебе придется все-таки выйти в зал.

Моника достала из духовки лист с горячими крабовыми биточками. Отложив совок, Делия подошла к столу и начала торопливо выкладывать их на поднос.

– Но...

– Я знаю, что обещала, но у нас аврал. Бери поднос, иди медленно и смотри куда идешь. И не разлей там ничего, по-

жалуйста, ради бога, умоляю.

Судя по всему, последняя часть – «ради бога, умоляю» – была у Делии чем-то вроде мантры.

– Хорошо. – Моника заправила за ухо прядь волос, взяла поднос и медленно направилась к выходу в гостиную.

Делия безнадежно покачала головой ей вслед и подобрала с пола еще несколько тефтелек. Малышка продолжала хныкать, и Делия ласково успокаивала дочь, одновременно доставая с металлической тележки поднос, накрытый пищевой пленкой. Я никогда в жизни не видела более нуждающегося в помощи человека, чем Делия в тот момент, но не успела я предложить свои услуги, как она принялась размышлять вслух.

– Что же еще? – Она поставила поднос на стол, закрыла глаза и прижала руку ко лбу, пытаясь вспомнить.

– Лед, – подсказала я.

Она вздрогнула и обернулась.

– Лед, ну конечно же, лед. Спасибо. А ты кто?

– Мейси. Я здесь живу.

Выражение лица Делии изменилось. Кажется, она догадывалась, что будет дальше.

– Мама просила посмотреть, как тут у вас дела, – поспешно сказала я. – И передать, что...

– Что мы ее достали, – закончила за меня Делия.

Я замялась.

– Ну, не совсем...

Но тут из гостиной раздался грохот и звон стекла, после чего наступила мертвая тишина.

– А теперь? – с грустной усмешкой поинтересовалась Делия.

Малышка снова захныкала.

– Вообще-то да, – кивнула я, уверенная, что это еще мягко сказано.

– О господи, – Делия закрыла лицо рукой, – полная катастрофа.

Я не знала, что сказать. Честно говоря, наблюдая за происходящим, я уже разнервничалась, а каково же быть ответственной за весь этот кошмар!

– С другой стороны, все не так плохо, – заметила Делия. – Если хуже некуда, то скоро станет лучше. Правильно?

Я промолчала, и мой рейтинг доверия сразу упал. Таймер духовки издал бодрый писк.

Делия расценила это как сигнал к действию.

– Мейси, – сказала она вдруг, – можешь ответить на один вопрос?

– Конечно.

– Ты умеешь обращаться с лопаткой?

Такого я не ожидала, но, преодолев замешательство, ответила утвердительно.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Делия. – Тогда иди сюда.

Через пятнадцать минут я вошла в ритм. Это было все

равно что печь печенье, только на скорость. Выложить биторочки или сырныи шариккк на лист ровными рядами, поставить в духовку, вытащить готовые, сложить на поднос, отправить. Повторить.

Делия, в два раза быстрее и в сто раз аккуратнее выкладывая на поднос канапе, наблюдала за мной:

– Отлично, Мейси! Ты могла бы стать преуспевающим работником выездного ресторана, если бы там хоть кто-то преуспевал.

Я улыбнулась. В дверь сунулась усталая Моника с пустым подносом, усыпанным салфетками. После второй катастрофы ее обязанности ограничили переносом только твердых веществ, но когда она налетела на колонну и высыпала половину подноса сырных шариков на рубашку какому-то зазевавшемуся гостю, ее понизили до сборщика мусора и пустых бокалов. Казалось бы, медленное передвижение снижает риск аварии, но Моника опровергала логику.

– Как там дела? – поинтересовалась у нее Делия, бросив взгляд на Люси, уснувшую в детском автомобильном кресле на кухонном столе.

Если честно, Делия меня поразила. Признав ситуацию безнадежной, она немедленно ее исправила. За каких-то пару минут она успела подготовить еще два подноса канапе, найти лед и успокоить Люси. Повторяя мантру «пожалуйста, ради бога, умоляю», она делала все, что могла, и в конце концов у нее получалось. Просто невероятно.

– Нормально, – коротко отозвалась Моника, доползла до мусорного контейнера и, помедлив с минуту, начала освобождать поднос.

Делия раздраженно закатила глаза и вздохнула. Я вставила в духовку новый лист.

– У нас не всегда все кувырком, честное слово, – сказала мне Делия, открывая следующую упаковку сырных шариков. – Обычно мы – образец профессионализма и организованности.

Услышав это, Моника фыркнула. Делия бросила на нее сердитый взгляд.

– Видишь ли, сегодня от меня сбежала няня, а у официантки оказались неотложные дела, и все пошло наперекосяк. Знаешь, как это бывает?

Я кивнула. У меня в последнее время все шло наперекосяк.

– Мейси! Вот ты где! – В дверях стояла мама. – Все в порядке?

Вопрос, заданный вроде как мне, на самом деле был адресован Делии, и она это прекрасно поняла, потому что стала выкладывать на поднос закуску в три раза быстрее. За ее спиной Моника наконец закончила освобождать поднос от салфеток и медленно направилась к столу, стуча подносом по коленкам.

– Да, – отозвалась я. – Делия рассказывала мне, как делать крабовые биточки.

Мама провела рукой по волосам. Это означало, что она вышла на тропу войны. Делия, должно быть, тоже это почувствовала и, вытерев руки полотенцем, спокойно повернулась к маме.

– Гостям очень нравится угощение, – начала мама голосом, не предвещавшим ничего хорошего, – но...

Делия сделала глубокий вдох.

– Можете не продолжать, миссис Куин.

Я опустила голову, открывая новую упаковку закусок.

– Мне очень жаль, что все началось так бестолково, – продолжала Делия. – Я в последнюю минуту выяснила, что людей не хватает, но это не оправдание. Я откажусь от оставшейся оплаты в надежде, что вы захотите воспользоваться нашими услугами в дальнейшем.

Многозначительное молчание, следовавшее за этой речью, прервал крик ворвавшегося в дверь Берта.

– Нужны еще канapé! – возвестил он. – Разлетаются, как горячие пирожки.

– Берт, – Делия заставила себя улыбнуться, – не надо так кричать. Мы тебя прекрасно слышим.

– Извините, – потупился мальчик.

– Вот, возьми, – я протянула ему полный поднос и забрала пустой. – Биточки будут через пять минут.

– Спасибо, – поблагодарил он, а затем взгляделся и узнал меня. – О, привет. Так ты тоже здесь работаешь?

– Нет, – я поставила перед собой пустой поднос. – Не со-

всем.

Бросив взгляд на маму, я поняла, что она потихоньку успокаивается.

– Хорошо, – сказала она наконец, – я принимаю ваши извинения и считаю компенсацию справедливой. Угощение и вправду замечательное.

– Спасибо, я очень вам признательна, – ответила Делия.

Из гостиной донесся взрыв смеха, который окончательно убедил маму, что все не так ужасно.

– Думаю, мне пора вернуться к гостям. – Она повернулась к двери, но вспомнила обо мне: – Мейси, когда закончишь здесь, поможешь мне, хорошо?

– Конечно. Буду через минуту, – пообещала я, взяв прихватку и направляясь к духовке проверить биточки.

– Кстати, ваша дочь – чудесная помощница, – заметила Делия маме. – Я уже сказала ей, что, если она захочет подработать, я с радостью возьму ее к себе.

– Очень мило с вашей стороны, но Мейси этим летом уже работает в библиотеке.

– Ничего себе, – улыбнулась Делия, – это здорово.

– Всего лишь информационная стойка, – пожалала плечами я, в сотый раз открывая дверцу духовки. – Отвечать на вопросы и все такое.

– А, девочка, которая знает все ответы.

– Да, Мейси большая умница, – с гордостью ответила мама.

Я не знала, что сказать – что тут скажешь? – поэтому молча достала из духовки лист с биточками.

Когда мама вернулась в гостиную, Делия подошла с прихваткой и отобрала у меня лист.

– Ты мне очень помогла, правда. Но будет лучше, если ты вернешься к маме.

– Нет, все в порядке, – заверила я ее. – Она даже не заметит моего отсутствия.

– Может, и так. Но ты лучше иди, – улыбнулась Делия.

Люси заворочалась в кресле и что-то пролепетала во сне, потом снова затихла.

– Значит, библиотека? – сказала Делия. – Это круто.

– Всего лишь на лето. Кое-кого заменяю.

Она стала перекладывать биточки на поднос.

– Понятно. Но если что-то не заладится, я всегда буду тебе рада. Мне нужны люди, которые выполняют указания и могут ходить по прямой.

В подтверждение этих слов Моника открыла дверь и все так же медленно прошла за очередным подносом, сдувая с лица длинную челку.

– Выездной ресторан – безумная работенка, – вздохнула Делия. – Не знаю, зачем тебе такое, особенно когда есть спокойные варианты. Однако если вдруг почувствуешь нехватку хаоса, позвони мне, хорошо?

– Крабовые биточки! – прокричал Берт, проносясь между нами. – Нужны еще!

– Берт, мы не глухие, – напомнила ему Делия.

Я пошла к двери. Моника широко зевнула. Берт нетерпеливо переминался на месте, ожидая своего подноса. Делия стала умолять Монику ради бога ускорить шаг. Казалось, они уже забыли о моем существовании, но мне почему-то захотелось ответить.

– Да, – громко сказала я, надеясь, что она услышит, – я позвоню.

Последним гостем вечеринки оказался слегка подвыпивший громогласный мужчина в синем джемпере. Он распрощался с нами в девять тридцать, и мама, закрыв за ним дверь, с видимым облегчением сняла туфли на высоком каблуке. Поцеловав меня в лоб и поблагодарив за помощь, она направилась в кабинет, чтобы собрать пакеты для людей, которые написали в анкете, что хотят получить больше информации. Контакты, как я успела узнать, – это все. Нужно ковать железо, пока горячо, не то клиенты моментально ускользнут.

Думая об этом, я поднялась к себе в комнату и проверила почту. Джейсон написал мне, как и обещал, но это письмо было скорее напоминанием о том, что я должна сделать в его отсутствие в библиотеке (сходи за ключами для ксерокса, их замена очень дорого стоит, не забудь в субботу отправить письмо Клубу зарубежных культур по поводу лекции в августе, и все такое). В конце Джейсон жаловался, что устал, и обещал через пару дней написать больше. И подпись. Никаких «люблю, скупаю» или чего-нибудь в этом духе. Не то

чтобы меня это удивило. Джейсон никогда особо не выражал свою привязанность, ни в словах, ни на деле. Он презирал пары, которые слишком откровенно выставляют напоказ свои чувства, и терпеть не мог сентиментальных моментов в кино. Я знала, что он по-своему привязан ко мне. Просто он сдержанный и не привык выражать свои эмоции. За то время, что мы встречались, я успела привыкнуть к его стилю общения, хотя вначале хотелось большего. К тому же мы никогда не разлучались надолго, и ему вовсе не обязательно было постоянно доказывать свои чувства.

Но мы впервые за все время расстались больше чем на два дня, и я остро ощущала его отсутствие. Я вдруг поняла, что даже те мелкие знаки внимания, что он мне оказывал, нельзя переслать по электронной почте. И все равно я была уверена, что он меня любит. Выйдя из почты, я открыла окно, выбралась на крышу и села, обняв руками колени. Посидела так несколько минут, глядя на звезды, и вдруг услышала внизу голоса. Хлопнула дверца машины, затем еще одна. Я посмотрела вниз. Вокруг фургона с надписью «Уиш кейтеринг» ходили ребята, помогавшие сегодня на приеме.

– ...Другая планета, которая движется по той же траектории, что и Земля. Рано или поздно она врежется в нас. Понимаешь, об этом не говорят в новостях, но это неминуемо произойдет!

Это говорил Берт, я узнала его голос, высокий и встревоженный. Мальчик стоял за фургоном и обращался к кому-то,

кто сидел на бампере с сигаретой.

– Угу... – ответила Моника.

– Берт, дай нам передышку, – отозвался еще один голос.

К машине подошел старший парень и поставил что-то на полку. Весь вечер я его не видела – он работал в баре.

– Я просто хочу, чтоб вы знали. Это важно, Уэс, а ты зарываешь голову в песок.

– Мы готовы? – поинтересовалась Делия, выходя из дома со спящей малышкой на руках и переброшенным через плечо детским креслом.

Уэс осторожно взял кресло и поставил в машину. Его рубашка белела в темноте. Словно почувствовав мой взгляд, он поднял голову и посмотрел вверх. Я спряталась в тени.

– А нам заплатили? – спросил Берт.

Делия тяжело вздохнула:

– Только половину. Из-за беспорядка. Но я так устала, что мне уже все равно. У кого ключи?

– У меня, – радостно откликнулся Берт. – Я поведу!

Все вдруг замолчали.

– Думаю, не стоит, – произнесла наконец Делия.

– Даже не думай, – поддержала ее Моника.

– Почему это? – недовольно протянул мальчик. – У меня учебные права уже целый год! Через неделю экзамен, и мне нужна практика, прежде чем сесть за руль «Бертмобиля».

– Что за глупое название! – возмутился Уэс.

– Берт, – со вздохом сказала Делия, – ты знаешь, обычно

я не имею ничего против, но сегодня у нас был такой трудный день, и я хочу поскорее попасть домой. В следующий раз непременно поведешь ты, а сейчас уступи своему брату. Хорошо?

Они замолчали. Кто-то кашлянул.

– Ладно, как хотите, – буркнул Берт.

Снова хлопнула дверца. Берт и Уэс стояли возле автомобиля. Мальчик обиженно ковырял землю носком ботинка, а его брат молча стоял рядом, наблюдая за ним.

– Ерунда, не расстраивайся, – сказал Уэс Берту и взъерошил ему волосы.

Я так и думала, что они – братья: одинаковые глаза, волосы, тон кожи, только сложение разное.

– Мне никогда не дадут водить, – отозвался Берт. – Никогда. Даже Монотонике разрешают, а мне – нет.

– Обязательно дадим, – пообещал ему Уэс. – На следующей неделе получишь собственную машину и сможешь ездить куда захочешь. Но сейчас уже поздно.

Берт сунул руки в карманы и, шаркая ногами, обошел фургон. Уэс последовал за ним, дружески похлопывая брата по плечу.

– А ты знаешь ту девчонку, которая сегодня помогала Делии? – неожиданно спросил Берт.

Я замерла.

– На которую ты выпрыгнул из кустов? – уточнил Уэс.

– Неважно, ты ее знаешь?

– Нет.

Берт открыл заднюю дверь.

– А вот и знаешь. Ее отец...

Я ждала. Я знала, что он скажет, и все-таки должна была услышать эти слова, мое личное клеймо.

– ...Был тренером детской команды по бегу, когда я учился в начальной школе, – закончил мальчик. – «Молнии Лейквью», помнишь?

Уэс открыл брату заднюю дверь и сказал:

– Да, точно, тренер Джо.

У меня заболело в груди.

– Тренер Джо, – повторил Берт, – классный был чувак.

Уэс подошел к водительской двери, постоял, огляделся вокруг и забрался в автомобиль. Должна признаться, этот разговор меня удивил. Я так долго была «девочкой, у которой умер отец», что порой забывала о своей прежней жизни.

Машина завелась и медленно двинулась по аллее, потом красные огоньки замелькали уже на дороге. Сбоку на фургоне была нарисована черной краской куриная вилочковая кость, издалека похожая на китайский иероглиф, сулящий удачу. Я не отводила взгляда от рисунка, пока машина не скрылась за холмом.

Глава 3

Мне не спалось. Перед первым днем работы в библиотеке я чувствовала себя, как перед началом школьных занятий – вся на нервах. Я вообще мало сплю. До сих пор не могу понять, что случилось со мной в то роковое утро, когда папа пришел меня будить. Я тогда просто вырубилась.

С тех пор я боялась засыпать: казалось, что стоит хоть на секунду впасть в бессознательное состояние, как случится что-то ужасное. Я разрешала себе только дремать. А когда засыпала настолько крепко, чтобы видеть сны, мне снилось, что я бегу.

Папа любил бегать. Он приучал нас с Кэролайн к пробежкам чуть ли не с пеленок и даже брал с собой на ежегодный городской пятикилометровый марафон, в детскую группу. Помню свою первую гонку, лет в шесть. Слишком мелкая для своего возраста, я стояла позади других детей на линии старта, видя только чужие плечи и затылки, а Кэролайн, конечно же, пробилась в первые ряды. В свои десять, «почти одиннадцать», она считала ниже своего достоинства стоять с малышами.

Раздался выстрел стартового пистолета, и все ринулись вперед. Сотни пяток оглушительно затопали по асфальту. Меня словно несла какая-то мощная волна, ноги едва касались земли. Мимо, как в тумане, проплывали лица людей,

стоящих вдоль дорожки, и я могла сосредоточить внимание только на хвостике бегущей передо мной девочки, схваченном голубой репсовой лентой. Какой-то здоровый мальчишка, пробегая мимо, больно толкнул меня в спину, а на втором круге закололо в боку, но вдруг я услышала папин голос.

– Держись, Мейси, ты умница!

К восьми годам я уже знала, что бегаю лучше всех. Быстро заметила, что на первом же круге обгоняю старших детей, чуть позже выиграла свои первые соревнования, а потом и все гонки, в которых участвовала. Когда я бежала по-настоящему, так что ветер свистел в ушах, то казалось, что стоит мне захотеть – и я наберу побольше воздуха, как следует оттолкнусь от земли и полечу.

К тому времени я бегала уже одна. Сестра потеряла интерес к этому виду спорта где-то в седьмом классе, когда ее стала больше интересовать не гонка на сто метров, а флирт с командой мальчиков после соревнований. Кэролайн по-прежнему любила бегать, но не видела в этом занятии никакого смысла, если никто не бежал вслед за ней. Так что мы с папой остались вдвоем. Ходили на тренировки, вставали чуть свет на пятикилометровые утренние пробежки и делились историями о растяжениях связок и ушибах колена, поглощая энергетические батончики. Нам было интересно друг с другом, бег объединял нас, и поэтому я думала, что не должна была бросать папу в то злосчастное утро.

То утро изменило все, в том числе и мое отношение к бе-

гу. Стало неважно, за какое время я прохожу дистанцию, какие рекорды мечтала побить еще за день до случившегося. Я не могла простить себе, что в то утро бежала слишком медленно, и поэтому бросила занятия.

Можно было просто немного изменить свой привычный маршрут, пробегая один лишний квартал, чтобы не видеть злосчастного перекрестка Уиллоу и Маккинли, где все случилось, – точно так же, как я делала, когда садилась за руль. Другое дело – друзья по команде. Они старались поддерживать меня – на похоронах и позже, после трагедии, – и очень расстроились, когда тренер сказал, что я бросила занятия, но совсем уж обиделись, заметив, что я стараюсь не встречаться с ними даже в коридорах школы. Они не понимали, что их жалость, их сочувственные взгляды невольно напоминают мне о смерти папы.

Я замкнулась в себе, сузила круг общения, отгородилась от всех, кто жалел меня и искренне хотел помочь. По-другому я не могла. Я упаковала свои награды и спрятала их подальше. Та часть моей жизни ушла навсегда. Я отреклась от прошлого, которое когда-то было такой важной частью моей жизни.

Теперь я бегала только во сне. В этих тяжелых снах постоянно должно было случиться ужасное, или мне казалось, что я забыла что-то важное, а ноги становились ватными и не хотели слушаться. Разные сны, но один и тот же конец – финишная линия, которую я не могу пересечь, сколько бы

ни пробежала.

– Ах да, – Бетани взглянула на меня сквозь очки в тонкой металлической оправе, – ты же сегодня приступаешь к работе.

Я стояла, прижимая к себе сумку и переживая по поводу ногтя, ставшего жертвой неравной борьбы с защелкой от ремня безопасности. Этим утром я потратила так много времени на сборы – долго гладила блузку, выпрямляла и укладывала волосы, дважды перекрашивала губы. И теперь вот все испортила – сломала ноготь, который приходится прятать в кулаке.

Бетани отодвинула свой стул и встала.

– Можешь сесть там, с краю, – сказала она и открыла для меня низенькую дверцу стойки, – только не на красный, там сидит Аманда, а дальше.

– Спасибо, – я выдвинула стул и опустилась на него, поставив сумку на пол.

Скрипнула входная дверь, и в библиотеку вошла Аманда – лучшая подруга Бетани и секретарь ученического совета, высокая блондинка с длинными волосами, которые она всегда заплетала в аккуратную косу, свисавшую до талии. Эта коса выглядела такой идеальной, что на собраниях, отвлекаясь от скучной повестки дня, я иногда задавалась вопросом: расплетает ли она ее на ночь? Или снимает, как пристегивающийся галстук?

– Здравствуй, Мейси, – прохладно приветствовала меня Аманда, усаживаясь на красный стул.

У нее была идеальная осанка – плечи расправлены, подбородок поднят. «Наверное, коса голову оттягивает», – подумала я.

– Я и забыла, что ты сегодня начинаешь.

– Угу, – промычала я, и обе уставились на меня так, что я просто почувствовала, как это «угу» висит между нами в воздухе.

– Да, – сказала я как можно более четко.

Если я только стремилась к совершенству, постоянно работая над собой, то эти девочки, казалось, достигли его безо всяких усилий. Бетани, зубрила с короткими рыжими волосами, которые она всегда заправляла за уши, и ровно подстриженными ногтями на маленьких веснушчатых руках, сидела рядом со мной на английском. Меня завораживал ее почерк – каждая букровка выписана так ясно и четко, словно напечатана на машинке. Бетани была тихой и собранной, в отличие от более общительной Аманды. Последняя говорила академически правильно – в детстве она жила в Париже, пока ее отец писал диссертацию в Сорбонне. На их идеально выглаженных блузках никогда не было ни единого пятнышка. Они никогда не пользовались сленгом и говорили исключительно на литературном английском языке. Короче, два Джейсона в женском обличье.

– Ну что же, – обратилась ко мне Аманда, поправляя во-

ображаемую складочку на юбке, из-под которой торчали худые, бледные ноги, – этим летом у нас здесь достаточно спокойно. Но я надеюсь, что тебе не будет скучно.

Не зная, что на это ответить, я безразлично улыбнулась и отвернулась к стене. Аманда и Бетани начали приглушенными голосами обсуждать какую-то художественную выставку. Я посмотрела на часы. Пять минут десятого. Осталось пять часов пятьдесят пять минут.

К обеду я ответила всего лишь на один вопрос: где находится туалет. Похоже, это моя карма. Ну что ж, опыта в этом деле мне не занимать. Нельзя сказать, что у нас не было совсем никакой работы – то забастовал ксерокс, то какой-то читатель не мог найти нужный ему журнал, потом кто-то спросил насчет онлайн-энциклопедии, которой Джейсон, натаскивая меня, уделял особое внимание. Но даже если Аманда с Бетани помогали кому-то другому и посетитель подходил ко мне, одна из них подсказывала и говорила: «Я подойду к вам через секунду», – таким тоном, что всем становилось ясно: спрашивать у меня – пустая трата времени. Сначала я думала, что они просто дают мне время войти в работу. Потом поняла – они считают, что я здесь лишняя.

В полдень Аманда поставила на стойку табличку «Обеденный перерыв с 12.00 до 13.00» и достала из сумки пончик в герметичной упаковке. Бетани вытащила из ящика стола яблоко и батончик «гинкго билоба», и они синхронно поднялись со своих стульев.

– Мы пригласили бы тебя составить нам компанию, – сказала Аманда, – но мы будем готовиться к экзаменам, так что приходи через час, хорошо?

– Если хотите, могу остаться, а обедать уйду в час, чтобы здесь всегда кто-то был.

Обе уставились на меня так, словно я вызвалась объяснить им задачу по квантовой физике, попутно жонглируя кеглями.

– Нет, не стоит, обеденный перерыв – в двенадцать, – ответила Аманда.

Они скрылись в служебном помещении, а я взяла сумку и вышла на улицу. Сев на скамейку у фонтана, достала захваченный из дома бутерброд с арахисовым маслом и джемом, положила на колени и сделала несколько глубоких вдохов. Почему-то хотелось плакать. Я просидела в одиночестве почти целый час, потом выбросила бутерброд и вернулась в библиотеку. До конца перерыва оставалось пять минут, однако Бетани и Аманда уже сидели за стойкой, и создавалось впечатление, что я опоздала. Проходя на свое место, я чувствовала их неодобрительные взгляды.

Время тянулось медленно. В библиотеке было пусто и оглушительно тихо: гудела флуоресцентная лампа, скрипел стул Бетани, когда она меняла положение, постукивали клавиши электронного каталога за углом. Я привыкла к тишине, но эта, библиотечная, казалась какой-то стерильной и безжизненной. Лучше бы я помогала маме с документами или

даже перекладывала крабовые биточки с противня на блюдо. Кажется, я приняла неправильное решение, но теперь уже поздно что-то менять. Едва дождавшись трех часов, я отодвинула стул, встала и впервые за последние два часа открыла рот, чтобы сказать:

– До завтра, девочки.

Аманда повернула голову, коса соскользнула с ее плеча. Она читала толстую книгу по истории Италии, облизывая палец всякий раз, когда нужно было перевернуть страницу. Я слышала, как она это делает.

– До свидания, – отозвалась она.

– Увидимся завтра, – натянуто улыбнулась Бетани.

Пересекая читальный зал и направляясь к выходу, я чувствовала их тяжелые взгляды, направленные мне в спину между лопаток. Толкнув стеклянную дверь, я погрузилась в благословенный шум внешнего мира – чей-то смех в парке через дорогу, шорох колес по асфальту, гул самолета высоко в небе. «Минус один день, – подумала я. – А впереди – целое лето».

– Ну, если бы мы занимались только тем, что любим, это не называлось бы работой, правда же? – сказала мама, протягивая мне салатницу.

– Наверное.

– Все наладится, – пообещала она с уверенностью человека, который понятия не имеет, о чем говорит. – Между про-

чим, это замечательный и полезный опыт.

Я отработала в библиотеке уже три дня, но ничего не наладилось. Я понимала, что делаю это ради Джейсона, но Бетани с Амандой, казалось, решили использовать свои высокие IQ ради достижения одной-единственной цели: полностью сломить мой дух. Я старалась писать Джейсону бодрые и обнадеживающие письма, чтобы он не понял, как я расстроена, но уже на второй день не удержалась и упомянула о том, как обращаются со мной эти девицы. Это произошло еще до публичного унижения, на этот раз со стороны Бетани. Когда угрюмый студент летней школы обратился ко мне с просьбой найти книгу Альбера Камю, Бетани прицепилась к тому, как я произношу имя этого писателя.

– Камю-ю, – протянула она, вытягивая губы в трубочку на французский манер.

– Камю-ю, – повторила я, сама не понимая, почему позволяю ей себя исправлять.

– Нет-нет, – она вскинула подбородок и указала пальцем на свои губы. – Вот так. Камю-ю.

Молча глядя на нее, я подумала, что, сколько бы раз я ни повторила, она найдет, к чему придраться. Ей бы и сам Камю не угодил.

– Спасибо, – зачем-то поблагодарила я, и Бетани обернулась к Аманде, которая ехидно улыбнулась и покачала головой.

– Пожалуйста, – отозвалась она, вертясь на своем дурац-

ком стуле.

Неудивительно, что я обрадовалась, когда пришла домой, проверила почту и увидела письмо от Джейсона. Он знает, какие противные эти зазнайки, он меня понимает. Мне нужна всего лишь моральная поддержка. Однако стоило мне пробежать взглядом первые две строчки, как все надежды на понимание со стороны бойфренда испарились. Мне стало ясно, что ему плевать на мое самоуважение и эмоциональное состояние.

«Когда я прочел твое последнее письмо, – писал он, – мне показалось, что ты уделяешь недостаточно внимания работе. Ты написала целых два абзаца о библиотеке и не ответила ни на один мой вопрос. Пришел ли новый выпуск Ежемесячной научной антологии? Смогла ли ты зайти в общую базу данных с помощью моего пароля?» А в конце, после нескольких напоминаний о том, на что еще я должна обратить внимание, приписка: «Если у тебя возникают какие-то проблемы в общении с Бетани и Амандой, поговори с ними сама. На работе не должно быть места межличностным конфликтам».

Утешил, называется. Это походило не на ответ парня своей девушке, а на указания руководителя отдела провинившейся подчиненной. Зря я ждала от него сочувствия.

– Мейси?

Я отвлеклась от безрадостных мыслей и подняла глаза. Мама озабоченно смотрела на меня с другой стороны большого обеденного стола, ее вилка зависла над тарелкой. Да-

же оставшись вдвоем, мы всегда ужинали в столовой. Как и приготовление ужина, это была часть ежедневного ритуала. Мама готовила основное блюдо, я – салат или овощи, и мы зажигали свечи – для атмосферы. Садились за стол всегда ровно в шесть. После еды мама ставила тарелки в посудомойку, а я убирала остатки еды в холодильник и наводила порядок на столе. Когда нас было четверо, Кэролайн с папой никогда не помогали, только путались под ногами. А у нас с мамой все проходило организованно и аккуратно. Мы обе не выносили пятен на скатерти и крошек на столе.

– Да?

– У тебя все хорошо?

Когда мама задавала этот вопрос, мне всегда хотелось ответить на него честно. Я о многом хотела ей рассказать: например, как сильно скучаю по папе и как часто думаю о нем. Но я давно привыкла делать вид, что у меня все хорошо, и признать обратное было равносильно поражению. Как и во многом другом, я упустила свой шанс.

Я никогда не позволяла себе переживать потерю, просто перепрыгнула из состояния шока в притворно нормальное, пропустив все, что должно быть между ними, но сегодня мне хотелось от души разрыдаться, как Кэролайн. Мне хотелось сделать это еще в первые дни после похорон, когда дом был полон родственников и еды и все собирались вокруг кухонного стола, приходили и уходили, ели и вспоминали разные истории о папе. Мне надо было выйти к ним и поплакать, а

не стоять в дверях, отрицательно качая головой, когда кто-то замечал меня и хотел уступить место.

А больше всего я хотела упасть в мамины объятия, прижаться к ней, как в детстве, спрятать лицо у нее на груди и выплакаться, но я не могла себе этого позволить. Я считала, что должна помогать ей, а не быть обузой, поэтому отталкивала маму, заставляя думать, что я выше этого, хотя нуждалась в ней больше, чем когда-либо.

Папа всегда был более эмоциональным, он жил страстями, заполнял собой все пространство, обнимал до хруста костей. Я всегда чувствовала его близость, даже находясь далеко от него. С мамой такого не было. Как и в случае с Джейсоном, я знала, что мама меня любит, но это выражалось в мелочах: похлопать по плечу, провести рукой по волосам, с первого взгляда понять, что я устала или голодна. А теперь так хотелось, чтобы меня обняли изо всех сил, прижали к себе, услышали биение моего сердца, хотя раньше я всегда вырывалась из медвежьих объятий отца. Вот уж не думала, что буду скучать по этому.

– Просто устала, отдохну – и все пройдет, – сказала я.

Мама понимающе улыбнулась и кивнула:

– Да, конечно.

Интересно, она тоже притворяется, что все хорошо, или действительно в это верит? Сложно сказать.

Покончив с ужином, я поднялась в свою комнату и с десятой попытки состряпала прочувствованное, но не слишком

жалостное письмо Джейсону. Я ответила на все вопросы по работе и приложила по его просьбе экземпляр хваленой программы по переработке мусора, которую он хотел показать кому-то в лагере. И только после этого позволила себе перейти к личному. «Знаю, что все эти трагедии за информационной стойкой кажутся тебе глупыми, но я правда очень скучаю по тебе, мне одиноко и тяжело находиться там, где меня терпеть не могут. Буду безмерно счастлива, когда ты вернешься», – написала я.

Иногда бывает нужно каким-то образом облечь чувства в слова. Если я не могу дотронуться до его плеча или прижаться коленом, нужно возместить это словами. Я была так в этом уверена, что решилась зайти еще дальше, сделав приписку: «Люблю. Мейси», – и быстро нажала «Отправить», чтобы не передумать.

Закончив с письмом, я подошла к окну, открыла его и выбралась наружу. До этого прошел короткий летний дождь с грозой, крыша была мокрая и холодная. Я села на подоконник и поставила босые ноги на черепицу. Из окна моей комнаты открывался восхитительный вид на весь Уайлдфлауэр-Ридж, а вдалеке сияли огни торгового центра и возвышалась колокольня университета.

В нашем старом доме моя комната тоже была особенной, но совсем не из-за шикарного вида. Возле единственного окна, выходящего на дорогу, рос огромный дуб с раскидистыми ветвями, по которому можно было забраться в дом или

покинуть его, минуя дверь и не привлекая внимания родителей. Этим часто пользовалась Кэролайн.

В подростковом возрасте моя старшая сестра будто с цепи сорвалась. Начиная с седьмого класса, когда она, по маминым словам, помешалась на мальчиках, родителям стало очень трудно держать ее в узде. Они перепробовали все: наказания, домашние аресты, запрет на пользование телефоном, лишение карманных денег, замки на шкафчике с баром, обнюхивание у дверей на предмет употребления алкоголя. После каждой выходки сестры за завтраком или во время ужина разражалась очередная драма с криками на весь дом, топанием ногами и хлопанием дверью.

Все это касалось лишь тех случаев, о которых становилось известно родителям. Но были и такие проступки, о которых знала только я. Посреди ночи дверь в мою комнату открывалась, и в нее тихонько проскальзывала Кэролайн. В полусне я слышала шлепанье босых ног по полу. Сестра тихонько ставила на ковер туфли, которые несла в руках. Потом вставала на кровать и шептала: «Тихо, Мейси, никому ни слова», – через мою голову забиралась на подоконник и открывала окно.

– Они узнают, – сонно бормотала я.

Кэролайн садилась на подоконник, высунув ноги наружу, и просила:

– Подай мне туфли.

Я выползала из-под одеяла и протягивала ей туфли, кото-

рые она бросала вниз. Они падали с глухим стуком.

– Кэролайн...

Она поворачивалась ко мне:

– Прикрой окно, только не запирай, я вернусь через час. Сладких снов!

Я слышала, как сестра спускается по дереву, шурша листвою. Когда я вставала, чтобы закрыть окно, она уже бежала по газону с туфлями под мышкой, оставляя темные следы на росистой траве. В квартале от нашего дома, возле знака «Стоп», ее ждала машина.

Сестра возвращалась через два, а то и через три часа. Я слышала, как она толкает створки окна и топчется по кровати. Ужасно деловая перед уходом, возвращалась она сонная и расслабленная, от нее пахло пивом и сладким дымом. Порой она просто засыпала на ходу и даже не могла дойти до своей комнаты: прямо в туфлях заваливалась в мою постель и пачкала наволочки своей косметикой. Иногда она плакала, но ничего не рассказывала, просто засыпала рядом со мной. Я тоже пыталась уснуть, а с первыми лучами солнца подсказывала и выталкивала Кэролайн в ее комнату, чтобы родители не застучали. Потом заползала в кровать, пахнущую сестрой, и клялась себе, что в следующий раз непременно запру окно, но никогда этого не делала.

Когда мы переехали в новый дом, Кэролайн уже училась в колледже. Она все так же ходила на вечеринки, но родители смирились и не пытались ее остановить. Она поступила

в местный университет, жила дома и подрабатывала официанткой в клубе. Мама с папой только требовали, чтобы средний балл не опускался ниже четверки и чтобы она не шумела, когда уходит или возвращается. Кэролайн больше не лазила через окно, и меня это радовало, потому что дерева здесь не было, и она бы точно свернула себе шею.

После смерти папы сестра совсем отбилась от рук – иной раз даже ночевать не приходила. Я рисовала себе ужасные картины – аварию со смертельным исходом или бог знает что еще, но правда всегда оказывалась не такой кровавой. К тому времени она уже по уши влюбилась в Уолли – состоятельного разведенного адвоката на десять лет старше, с которым познакомилась, работая в клубе. Кэролайн держала роман с ним в секрете от родителей, как и многие другие аспекты своей личной жизни, но после похорон все стало серьезно, и вскоре Уолли сделал ей предложение.

Все это тянулось значительно дольше, чем я описываю, хотя в то время казалось, что события развиваются чрезвычайно быстро. Еще вчера Кэролайн прыгала в мое окно, и вот мы уже стоим перед церковью, и дядя Майк торжественно подводит ее к жениху. Люди, конечно, судачили, что Кэролайн слишком молода для замужества и ей просто не хватает отца. Однако моя сестра обожала своего Уолли, это было видно невооруженным глазом.

К тому же скоропалительная подготовка к свадьбе отвлекла нас от печального события. У мамы с Кэролайн на-

конец появилась общая цель – устроить Лучшую Свадьбу Всех Времен, и они стали настоящими подружками. Наверное, маму успокоило, что бунтарка Кэролайн нашла мужа, не успев закончить колледж. Теперь она превратилась в добропорядочную миссис Уолли Тербер и жила в Атланте, в большом доме с новейшей системой кондиционирования воздуха, где вообще не надо было открывать окна.

В отличие от сестры мне не приходилось тайком ускользать из дома. Во-первых, я бегала по утрам. А во-вторых, мы с Джейсоном были другими. Сложно даже представить выражение лица Джейсона, если я вдруг договорюсь с ним о встрече в квартале от моего дома в полночь. Он скажет: «Зачем? Все закрыто, и мне рано вставать на йогу». И будет прав. Сбегать из дома по ночам, гулять на вечеринках и заниматься там бог знает чем – это для таких, как Кэролайн, она уехала, и все стало тихо и спокойно.

– Мейси, – удивлялась сестра, если звонила в пятницу вечером и заставляла меня дома, – чем ты занята? Почему сидишь в четырех стенах?

Когда я отвечала, что готовлюсь к экзаменам или делаю еще что-нибудь для школы, она вздыхала так громко, что я невольно отодвигала трубку от уха.

– Ты молода! Иди гулять, развлекайся, наслаждайся жизнью! Живи, ради бога! У тебя впереди еще куча времени! – восклицала она.

В отличие от большинства своих новых друзей по Клу-

бу садоводов и Лиге молодежи моя сестра не скрывала свое бурное подростковое прошлое, а утверждала, что оно стало важным этапом развития ее личности. По ее мнению, я очень сильно отстала в этом развитии. Я же уверяла ее, что у меня все хорошо.

– Это меня и пугает, – отвечала она. – Ты же подросток, Мейси!

Как будто я этого не знала.

– У тебя должны быть гормональные всплески, ты должна сходить с ума, совершать глупости. Это самое замечательное время в твоей жизни, ты должна им насладиться.

И я обещала, что завтра вечером непременно пойду гулять, а она отвечала, что любит меня. Затем я вешала трубку и возвращалась к тестам, глажке или сочинению, которое сдавать через две недели. Изредка я забиралась на крышу, вспоминала все безумства, которые вытворяла Кэролайн, и думала: может, я и вправду что-то теряю? Наверное, нет.

Но сидеть на крыше было приятно, и я проводила там целые вечера. Меня вполне устраивало, что все мои приключения начинаются и заканчиваются здесь.

Несмотря на мамины уверения, дела на работе в библиотеке не пошли на лад. Я поняла, что в первые дни Аманда и Бетани еще старались проявить дружелюбие. Теперь они вообще еле говорили со мной и не подпускали ко мне посетителей, так что я мучилась от безделья.

К пятнице я насытилась тишиной по горло, а придя до-

мой, обнаружила, что мама уехала на конференцию застройщиков на побережье и пробудет там все выходные, так что мне придется сидеть одной в пустом доме целых два дня. Мама звала меня с собой, соблазняя пляжем, бассейном и другими летними радостями, но мы обе знали, что я откажусь, и я отказалась. Пляж тоже напоминал о папе.

У нас был летний домик в маленьком городке под названием Колби, в нескольких милях от Лейквью. Настоящий пляжный дом, со скрипящими на ветру ставнями и крыльцом, всегда покрытым тончайшим слоем песка. Мы ездили туда летом на выходные всей семьей, но это было папино логово. Он купил его еще до знакомства с мамой, и дом до сих пор напоминал убежище холостяка – дартс на двери кухни, голова лося над камином и всякие жизненно необходимые вещи в ящике стола: открывалка для пива, лопатка и острый нож для разделки мяса.

Плита вечно капризничала, но папа этого не замечал. Он любил готовить на открытом огне. Дом служил ему еще и рыбачьей хижинкой. В октябре они с приятелями отправлялись ловить красного горбыля, в апреле – махи-махи, а в декабре – голубого тунца. Возвращался папа всегда довольный, с полным холодильником уже почищенной рыбы, и непременно обгоревший, несмотря на солнцезащитный крем, который клала ему в рюкзак мама. Он обожал такие вылазки.

Меня на них не приглашали: мужчины называли их «выходные без эстрогена», но в другие дни, когда надо было что-

то ремонтировать в доме или папе просто хотелось побыть вдали от людей, он брал меня с собой. Мы валялись на пляже, катались на катере, играли в шашки у костра или шли в забегаловку под названием «Последний шанс», где официантки обращались к папе по имени и где подавали самые вкусные гамбургеры в мире. Пожалуй, это был по-настоящему папин дом. Я знала: если бы ушедшие могли возвращаться в наш мир, он явился бы не в старый дом и не в нынешний, а именно сюда, и поэтому держалась подальше.

После папиной смерти мы ни разу там не были. Его старый «Шевроле» так и стоял в гараже, и к запасному ключу, который я всегда выуживала из ракушки под задним крыльцом, наверное, никто не притрагивался. Мы с Кэролайн думали, что мама в конце концов продаст дом и машину, но пока что она этого не сделала.

Итак, в пятницу после работы я осталась одна в тихом и пустом доме. «Ну что ж, это даже хорошо, – сказала я себе. – У меня куча дел, с которыми нужно разобраться: ответить на сообщения, посмотреть условия приема колледжей, а что творится в гардеробе! Вполне подходящий день, чтобы сложить теплые свитера и упаковать ненужную одежду для благотворительного магазина». Однако тишина стала до того невыносимой, что пришлось включить телевизор в гостиной. Поднявшись к себе, я включила еще и радио, prošлась по музыкальным каналам и в конце концов остановилась на чьих-то рассуждениях о научных открытиях нашего

века. Но весь этот фоновый шум, казалось, только подчеркивал мое одиночество. Проверив почту, я обрадовалась: письмо от Джейсона. Однако уже на второй строчке поняла, что лучше бы я его не получала: вся эта кошмарная неделя оказалась только предвестием настоящей беды.

«Мейси, мне потребовалось некоторое время, прежде чем я смог написать ответ, потому что хотел быть уверенным в том, что хочу сказать. После твоего письма я всерьез задумался о происходящем между нами. Меня уже давно беспокоит тот факт, что наши отношения слишком серьезны. Со времени моего отъезда я много думал о наших потребностях и о том, могут ли наши отношения их удовлетворить. Ты мне не безразлична, но твоя растущая зависимость от меня, о которой я сужу по последним словам твоего письма, заставляет меня задуматься, на каком уровне находятся наши отношения и могу ли я дать тебе то, в чем ты нуждаешься. Я очень хорошо к тебе отношусь, но это переломный год в плане моих идеологических и академических целей, на достижении которых я должен сосредоточиться, и я не могу связывать себя более серьезными отношениями. Я должен быть очень целеустремленным, как и ты. Ввиду всего этого, думаю, нам лучше сделать перерыв и отдохнуть друг от друга до конца лета. После моего возвращения мы сможем понять, одинаковые ли у нас цели, обсудить происходящее и прийти к решению, стоит ли нам встречаться дальше или лучше разорвать связывающие нас узы и расстаться навсегда. Уверен, ты со-

гласишься, что при сложившихся обстоятельствах временный перерыв пойдет на пользу нам обоим. Это разумно», — писал он.

Я прочла написанное один раз, потом, не веря своим глазам, другой. «Этого не может быть!» — стучала кровь в висках. Но это было. Жизнь продолжалась, о чем свидетельствовало висевшее на стене радио, которое бубнило что-то о войне в Прибалтике, падении акций на бирже и аресте очередной обкурившейся телезвезды.

А я сидела перед мерцающим монитором, уставившись на слова, которые, как когда-то в случае с «Макбетом», постепенно начинали обретать свой ужасный смысл. Перечитав сообщение снова, я медленно начала осознавать, что случилось. Перерыв в отношениях. Такие вещи обыкновенно случаются перед окончательным разрывом. Все кончено. И только из-за того, что я написала в последнем письме «люблю», но ведь не могла же я знать, к чему это приведет! Мне казалось, мы уже давно сказали друг другу это слово, хотя и не произносили его вслух. Очевидно, я ошибалась.

Одиночество накатило на меня с новой силой, ударило в солнечное сплетение, и я вдруг ощутила пустоту моей комнаты, дома, города и всего мира. Я словно находилась в кадре, камера неумолимо отодвигалась, и я становилась все меньше, меньше и меньше, превращаясь в неразличимое пятно, точку, ничто.

Надо выбираться из этого кошмара. Я выбежала на улицу,

села в машину и поехала. Не знаю почему, но это помогло. Я миновала Уайлдфлауэр-Ридж, перевалила за холм, объехала пустой участок земли, подготовленный для новой очереди строительства, и помчалась по шоссе в сторону торгового центра. Ехала в тишине, выключив радио, потому что певцы или визжали, что действовало на нервы, или завывали о потерянной любви, что тоже не способствовало моему душевному равновесию.

Слушая тихий рокот двигателя, я постепенно успокоилась и через какое-то время развернулась, чтобы возвращаться домой.

Движение было оживленное – в пятницу вечером все куда-то едут. На светофорах я рассматривала автомобили, где сидели родители с детьми, возвращавшиеся домой из ресторана, или студентки в клубном макияже, с грохочущей из окон музыкой и сигаретами в зубах.

В оживленном дорожном потоке, среди всех этих незнакомых людей, мне показалось еще страшнее возвращаться в пустой дом, к монитору компьютера, где меня ждет только письмо от Джейсона. Я представляла, как Джейсон пишет это послание, в перерыве между выполнением заданий и просмотром почтовых рассылок – спокойно, методично, обдумывая каждое слово. Наши отношения стали для него обузой, и он не хочет тратить на меня свое драгоценное время. В отличие от него у меня теперь будет очень много свободного времени.

Приближаясь к следующему перекрестку, я вдруг увидела волшебную куриную косточку. Толстые черные мазки на знакомом белом фургоне с надписью «Уиш кейтеринг». Он ехал прямо передо мной, за рулем сидела Делия, а кто расположился на пассажирском месте – я разглядеть не могла.

Я никогда не относилась к числу людей, способных на неожиданные поступки. Но когда ты одна в целом мире, по-настоящему одна, приходится выбирать из того, что тебе предлагает судьба. Или люди. Эти несколько букв – «Уиш кейтеринг», – как и те, что я написала Джейсону, имели множество значений и ничего не гарантировали. Но когда фургон свернул в переулок, они снова попались мне на глаза. Поэтому, дождавшись зеленого света, я нажала на газ и поехала за ними.

Глава 4

– И я сказала: «Не тебе судить о моем стиле». Знаешь, я на многое могу закрыть глаза и много чего прощала, но это уже слишком. Ты моя сестра, ты меня понимаешь. В конце концов, нужно же было обозначить границу, верно?

Да, кажется, я сглупила. Раза три чуть не повернула назад, потом дважды проехала мимо, но в конце концов, набравшись мужества, остановилась перед особняком в историческом районе под названием «Маккиммон-Хаус». Передо мной стоял припаркованный наискосок фургон «Уиш кейтеринг». Через открытую заднюю дверь виднелись стойки с посудой, подносами, упаковками салфеток и пара металлических тележек.

– И я это сделала – обозначила границу. В итоге мне пришлось идти целых два километра в новых босоножках на платформе, и я натерла такие мозоли, что ты себе просто не представляешь, – звонкий девичий голос разносился на всю улицу.

– Я тащилась пешком по реально пустой дороге, ни одной машины – захвати, пожалуйста, ложки, не те, а вон там, выше, – и думала только о том, что это самое ужасное первое свидание в мире. Понимаешь?

Я отступила назад и повернулась к своей машине, надеясь, что еще не поздно передумать. Что я здесь забыла? О чем

вообще думала? Еще можно сесть и уехать!

Но тут обладательница звонкого голоса подошла к открытой двери фургона и заметила меня. Она была невысокая, с пышной копной белокурых кудряшек, рассыпавшихся по спине, и я сразу поняла, что монолог произносила она. Наверное, дело было в одежде: короткая блестящая черная юбка, белая блузка с торчащим воротником, завязанная на талии, и высокие черные сапоги на толстых каблуках. Наряд дополняли блестящие тени и ярко-красная помада.

– Привет, – сказала она мне, повернувшись спиной, схватила стопку посудных полотенец и выпрыгнула из фургона.

– Привет.

Я собиралась сказать еще пару слов, может, даже целое предложение, но меня почему-то переклинило. Я застыла, словно дошла до определенной точки и не способна двигаться дальше. Девчонка была слишком занята и ничего не заметила. Напевая себе под нос, достала из глубины фургона еще какие-то коробки. Повернувшись и увидев, что я по-прежнему стою перед фургоном, она спросила:

– Ты что, заблудилась?

Я снова помедлила с ответом, на этот раз по другой причине. В свете фонаря стало отчетливо видно ее лицо с двумя шрамами. Один изгибался вдоль подбородка, как бы подчеркивая линию губ, а другой пересекал правый висок. У нее были синие глаза и кольца на каждом пальце и от нее пахло арбузной жвачкой, но это я заметила гораздо позже, а пока

что мое внимание приковали к себе шрамы.

«Прекрати пялиться!» – приказала я себе, ужасаясь своему поведению. Девушка, казалось, не заметила моего нездорового любопытства. Она просто ждала ответа.

– Нет, – меня наконец отпустило, – я ищу Делию.

Передняя дверь фургона открылась, и я увидела Монику, ту самую медлительную официантку, что бродила с подносом в руках из кухни в гостиную на маминой вечеринке. Она держала в руках разделочную доску, которая, судя по выражению лица Моники, весила не меньше ста фунтов. Она откинула со лба длинную челку и медленно пошла к дому.

– Не забудь раздаточные вилки, Монотоника, – напомни-ла ей кудряшка. Моника притормозила, медленно развернулась и таким же черепашьям шагом пошла обратно.

– Делия на кухне, – сказала мне девушка со шрамами, – надо подняться по той дорожке и обойти дом.

– О, спасибо, – отозвалась я.

В это время из фургона выбралась Моника с разделочной доской и несколькими большими вилками. Я пошла к дому, но меня окликнули.

– погоди! – Девушка умоляюще посмотрела на меня. – Ты же все равно туда идешь, не могла бы ты, очень тебя прошу, захватить кое-что с собой? Мы тут совсем зашиваемся, и, честно говоря, это моя вина, так что ты мне очень поможешь.

– Конечно. – Я вернулась к ней, обойдя Монику, которая медленно, словно сомнамбула, брела к дому.

Она вытащила из глубины фургона две тележки и стала складывать в них кастрюли и противни. Закончив, положила сверху стопку полотенец и подкатила одну тележку ко мне.

– Поехали, – сказала незнакомка, и мы покатали каждая свою тележку к дорожке.

Дальше начинался крутой подъем, который героически преодолевала Моника, добравшаяся только до половины. Казалось, она идет против ветра. Девчонка взглянула на меня, а потом на дорожку. Я старалась не смотреть на шрамы, но они как магнитом притягивали мой взгляд.

– О боже, – вздохнула она, – иногда кажется, что весь чертов мир ополчился против тебя!

– Да, так бывает, – согласилась я, думая обо всем, что случилось со мной этим вечером.

Девчонка повернула голову, посмотрела на меня и улыбнулась. Ее глаза засияли, и шрамы словно исчезли.

– Вперед! – сказала она, взявшись за ручку тележки. – Во всяком случае, катиться назад будет намного легче.

Ее звали Кристи Палметто. Мы познакомились на полпути к вершине, когда остановились перевести дух.

– Мейси? – переспросила она, услышав мое имя. – Как универмаг?²

– Да, – отозвалась я, – но это не совсем имя, скорее семейное прозвище.

² Имеется в виду «Масу & Со» – сетевой магазин в США. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– А мне нравится! – сказала Кристи. – Я собираюсь поменять имя, как только уеду туда, где меня никто не знает, и смогу начать новую жизнь. Мне всегда хотелось иметь какое-нибудь необычное имя. Стану Вероникой. Или Бланкой. А Кристи – это банально.

«Может, и так», – мысленно ответила я, снова взявшись за тележку. Уже за первые пять минут знакомства я поняла, что Кристи – это не просто светлые кудряшки и синие глаза, она особенная.

Когда мы наконец дошли до боковой двери, из нее выглянула Делия в красном фартуке с надписью «Уиш кейтеринг», с припудренными мукой щеками.

– Это канапе с ветчиной? Или гритс с креветками?

– Канапе, – ответила Кристи, прислоняя свою тележку к стене дома и взглядом приказав мне сделать то же самое. – Или гритс. Определенно, или то, или другое.

– Определенно, – простонала Делия, вышла и стала рыться в тележках.

Кристи прислонилась к стене, скрестив руки на груди.

– Этот подъем меня чуть не убил. Надо подогнать сюда фургон, иначе не успеем.

– Если бы кое-кто не опоздал, то успели бы, – напомнила ей Делия, поднимая крышку кастрюли.

– Я ведь уже извинилась, – ответила Кристи и добавила, обращаясь ко мне:

– У меня был острый приступ «нечего надеть». Все не нра-

вилось. У тебя такое бывает?

– Кроме того, здесь очень строгие правила, обслуживающие машины не должны заезжать в сад. Трава очень нежная, – напомнила ей Делия.

– Мои ноги тоже не железные, – ответила Кристи. – А если мы быстро, то никто не заметит.

В открытой двери показалась Моника с противнем в руках.

– Грибы? – спросила она.

– Тефтельки, – не оборачиваясь, ответила Делия, – поставь три противня в духовку и подготовь еще три.

Моника медленно развернулась и удивленно посмотрела на духовку, а потом опять на Делию.

– Тефтельки?

– Моника, ты делаешь это каждые выходные, – вздохнула та, – постарайся хоть что-то запомнить, ради бога, умоляю!

– Все она помнит, – фыркнула Кристи. – Просто злится, что я опоздала, и демонстрирует свой протест. Она не способна прямо выражать свои чувства.

– Тогда помоги ей, – усталым голосом сказала Делия. – С тефтельками, а не с выражением чувств.

– Хорошо, – миролюбиво сказала Кристи, толкнула дверь и вошла в кухню.

Делия наконец заметила меня.

– Привет, – слегка удивленно поздоровалась она. – Мейси, верно?

– Да. Может, сейчас не лучшее время...

– У нас всегда не лучшее время, такая уж это работа, – с улыбкой отозвалась Делия, – но я сама ее выбрала, так что жаловаться не имеет смысла. Что ты хотела?

– Я просто подумала... – начала я и осеклась. Глупо задерживать Делию, они и так опаздывают. О чем я подумала? Может, она предложила мне работу просто из вежливости? Но я уже все равно здесь, и мне нечего терять.

– Я просто подумала, – повторила я, – что, может, ваше предложение еще в силе. Ну, о работе.

Прежде чем Делия успела ответить, в дверях снова появилась Кристи.

– Тефтельки поставила, можно все-таки подогнать машину?

Делия оценивающе посмотрела на дорожку и перевела взгляд на окна дома.

– А ты сможешь сюда заехать? Скорее всего, нет.

– Подумаешь, небольшая горка. – Кристи закатила глаза и добавила для меня: – Я не слишком хороший водитель, но хотя бы это признаю.

Делия снова окинула взглядом дорожку и дом, как бы взвешивая все «за» и «против», и вытащила из кармана ключи.

– Как только подъедешь, разгружайся как можно быстрее. Если кто-то что-то скажет, притворись, что не знала о правилах.

– О каких еще правилах?

Кристи протянула руку за ключами, однако Делия отвела руку и отдала их мне.

– За рулем будет Мейси. Возражения не принимаются.

– Ладно, давайте быстрее, – поспешно согласилась моя новая подруга, развернулась на каблуках и устремилась к выходу.

Я не могла оторвать от нее взгляд. Сапоги, волосы и короткая юбка были тут ни при чем. Кристи просто лучилась энергией и радостью жизни. Я сразу это заметила, потому что в последнее время мне самой этого очень не хватало. Делия тоже проводила ее взглядом, затем посмотрела на меня:

– Если хочешь работать с нами, можешь приступить. Зарплата каждую вторую пятницу, и обычно расписание известно за неделю вперед. Тебе понадобится пара-другая черных брюк и несколько белых футболок или блузок. В понедельник у нас выходной. Если есть вопросы, то я отвечу на них позже, а то мы сегодня немного задержались.

– Звучит заманчиво, – согласилась я.

Кристи обернулась на полпути:

– Мейси! Поехали!

– Добро пожаловать на борт, – улыбнулась Делия.

В библиотеке меня натаскивали две недели, здесь теория заняла ровно две минуты.

– Самое главное, – говорила Кристи, пока мы выкладывали на подносы канapé с ветчиной, – знать, что разносишь, и

убирать с подноса мятые салфетки. Никто не захочет брать еду с подноса, если там лежат грязные салфетки.

Я кивнула.

– Еще нужно запомнить, что тебя как бы нет. Ты просто несешь поднос, улыбаешься и говоришь: «Канapé с ветчиной и дижонской горчицей», – и идешь дальше. Старайся быть незаметной, гости должны видеть не тебя, а угощение.

– Понятно.

– Она имеет в виду, – пояснила Делия, появляясь за нашими спинами, – что официант должен уметь раствориться в толпе и не привлекать к себе внимания, ты ведь не в гости пришла, а на работу.

Кристи протянула мне поднос с канapé и шлепнула на край стопку чистых салфеток. Стоя рядом с ней, я снова обратила внимание на шрамы, но заметила, кроме них, и блестящие на коже, и серебряные колечки в ушах.

– Начинай с краю. Если встретишь «индюка», остановись только на секунду, а потом улыбнись и продолжай идти, даже если он побежит за тобой.

– Индюка? – переспросила я.

– Это те, кто пытается слопать с твоего подноса все, что там есть, – пояснила она. – Существует правило: две штуки – и вперед. Если клиент тянется за третьей, ты просто уходишь, поняла? – Да, две штуки, и ушла.

– Если он не дает тебе пройти, то это уже «хапуга». Такое поведение совершенно недопустимо, и ты имеешь пол-

ное право наступить ему на ногу.

– Нет, не имеешь – вмешалась Делия. – Просто вежливо извинись и отойди в сторону.

Кристи поймала мой взгляд и покачала головой.

– Лучше наступить, – беззвучно, одними губами, произнесла она.

В кухне царила суета. Делия носилась между духовкой и столом, Моника медленно распаковывала подносы с семгой, стейками, картофелем. Все кипело энергией, все двигалось в несколько раз быстрее, чем обычно, за исключением Моника. Работа в выездном ресторане оказалась полной противоположностью библиотеке. Здесь мне наконец представилась возможность отдохнуть от тишины, так действовавшей на нервы.

– Если там есть пожилые люди, – продолжала наставлять меня Кристи, – обязательно подойди к ним, особенно к сидящим. Не дай тебе бог пропустить какую-нибудь голодную бабушку! Время от времени оглядывай комнату, наблюдай, кто ест, а кто нет. Если ты уже сделала полный круг, а на сельдереевые палочки, фаршированные смородиной с козьим сыром, так никто и не польстился, не обходи гостей снова.

– Смородина с козьим сыром? – удивилась я.

Кристи мрачно кивнула.

– Так было всего один раз! – воскликнула Делия. – Могла бы и не напоминать!

– Хотела бы я забыть этот кошмар, – отозвалась Кристи. –

А вот тефтельки нравятся всем. Если что-то не так, хватай тефтельки и выноси в зал.

– Который час? – встревожилась Делия, захлопывая духовку. – Семь уже есть?

– Без пятнадцати. – Кристи убрала за ухо прядь волос. – Пора выходить.

Я взяла свой поднос и застыла по стойке «смирно». Кристи поправила канapé, которое чуть не свалилось с края, и спросила:

– Готова?

Я кивнула, и она одной рукой открыла дверь. Несколько человек, стоящих у барной стойки, обернулись и посмотрели на нас, то есть на подносы. «Будь незаметной», – напомнила я себе. За последний год с лишним я, скорее, привыкла к повышенному вниманию, но почему-то была уверена, что у меня получится. Я подняла поднос, расправила плечи и вышла в зал.

Полчаса спустя я стала обладательницей массы ценных знаний. Во-первых, все любят тефтельки. Во-вторых, большинство «индюков» толпятся возле дверей, когда ты выходишь, и налетают первыми, хватая лучшие кусочки. А если ты хочешь их обойти, они моментально превращаются в «хапуг». Но я не решалась наступать им на ноги даже в самых тяжелых случаях. В-третьих, я испытала на себе теорию невидимости. Когда взгляд гостя упирается в поднос, ты ста-

новишься лишь фоном для угощения. Люди не обращают на тебя внимания и рассказывают все, что угодно.

Я узнала, например, что Роджер и Молли, жених и невеста, свадьбу которых мы обслуживаем, целых три года прожили вместе вне брака, и это, по мнению одного «индюка», сыграло свою роль в недавней смерти их престарелой родственницы. Молли и ее лучшая подруга не разговаривают из-за какого-то недоразумения на девичнике, а отец жениха, который должен был бросить пить, тайком таскает мартини в ванную. А еще – салфетки оказались неправильными.

– Я, кажется, не совсем вас понимаю, – услышала я голос Делии, вернувшись на кухню за последними тостами с козым сыром.

Делия с Моникой собирались готовить салаты, а рядом стояли невеста и ее мама.

– Они неправильные! – возмущенно воскликнула Молли, миловидная пухленькая блондинка.

Всю вечеринку она со страдальческим выражением лица простояла у стойки бара, а гости по очереди подходили к ней, похлопывали по плечу и успокаивали. Жениха толком никто не видел, он весь вечер курил сигары на улице.

– Там должно быть написано: «Молли и Роджер», затем дата свадьбы, а ниже – «Навсегда», – сказала Молли.

– Извините, у меня нет под рукой салфеток, но, насколько я помню, там так и написано, – ответила Делия. – Одну такую я точно видела.

Мать Молли сделала глоток из бокала и потрясла головой. В кухню вошла Кристи, скинула в мусорное ведро гору салфеток с подноса и остановилась, прислушиваясь к разговору.

– Что случилось? – спросила она.

Мать Молли подняла голову и уставилась на шрамы. Кристи тоже посмотрела на нее, и та немедленно отвела взгляд. Если Кристи и смутилась, то ничем это не показала. Она поставила поднос на стол и заправила за ухо прядь волос.

– Что-то не так с салфетками, – пояснила я.

Молли шмыгнула носом.

– Там написано не «Навсегда», а «Навсегда...», – она помахала рукой в воздухе, – ну, с тремя точками.

– С тремя точками? – непонимающе переспросила Делия.

– Ну, понимаете, три точки, их ставят, когда мысль не закончена или вопрос остается открытым... ну это... как его?

– Многоточие! – провозгласила я с другого конца кухни.

Все посмотрели на меня. Кровь бросилась мне в лицо.

– Многоточие? – повторила Делия.

– Три точки – это знак препинания такой, многоточие, – пояснила я, но она все еще не понимала.

– Многоточие ставится, когда мысль не завершена или предполагает различные толкования, особенно часто в диалоге, – выдала я грамматическую справку.

– Ого, – удивилась Кристи, – ну ты даешь.

– Точно! – Молли обернулась ко мне. – Здесь написано не «Молли и Роджер. Навсегда» – и точка, а «Молли и Роджер.

Навсегда...» – то есть, может, навсегда, а может, и нет.

– Мейси, у нее все-таки свадьба, – прошипела мне на ухо Кристи.

Молли достала откуда-то пачку бумажных платочков и принялась вытирать глаза, судорожно всхлипывая.

– Знаете, – сказала я, стараясь исправить ситуацию, – мне кажется, это многоточие не обязательно выражает сомнение. Оно, скорее, намекает на будущее, которое у вас впереди.

Молли обескураженно моргнула, покраснела до корней волос и горько разрыдалась.

– О го-о-осподи, – протянула Кристи.

– Простите! – воскликнула я. – Я не имела в виду...

– Дело не в «навсегда», – сказала мне мать невесты, обнимая дочь за плечи.

– Нет, в «навсегда»! – взвыла Молли.

Мамаша вывела несчастную из кухни, что-то тихо нашептывая ей на ухо. Мы молча наблюдали, как они уходят, а я чувствовала себя виноватой, что расстроила девушку в такой важный для нее день. Зачем я только вмешалась со своими выдающимися грамматическими познаниями?

Делия вытерла лоб рукой.

– Боже милостивый, – произнесла она, как только Молли с мамой скрылись за дверью. – Что теперь делать?

На секунду в кухне повисло молчание, затем Кристи с громким стуком опустила поднос на стол.

– Салаты, вот что. – И она стала расставлять тарелки.

Моника придвинула к себе миску с зеленью и достала щипцы. Я оглянулась на дверь, все еще выбитая из колеи. Кто знал, что три точки могут полностью поменять смысл фразы? Наверное, дело даже не в точках, а в том, с какой интонацией произносить фразу.

– Мейси!

Я обернулась. Кристи внимательно смотрела на меня.

– Ты ни в чем не виновата. Все в порядке.

Наверное, она была права, но теперь я поняла, что не всегда хорошо знать все ответы. Бывает, что человек расстраивается, получив ответ, потому что хотел услышать совсем другое.

– В общем и целом, – заявила Делия три часа спустя, когда мы задвинули в фургон последнюю тележку с подносами и посудой, – все было не так уж катастрофично. Скажу больше: это можно назвать сравнительно удачным вечером.

– Ну, если не считать стейков, – напомнила Кристи о всеобщей панике после подачи салатов, когда мы поняли, что половина мяса осталась в машине, в переносном холодильнике, а подавать его нужно через десять минут.

– Да, верно. Я и забыла, – вздохнула Делия. – Но, слава богу, обошлось. В следующий раз все пройдет как по маслу.

Даже я со своим небогатым опытом понимала, что это крайне маловероятно. Весь вечер мы только и делали, что боролись со всякими мелкими трудностями, над нами посто-

янно нависал дамоклов меч катастрофы, все происходило со страшной скоростью, напряжение росло, а спасение приходило в последний момент. Приходилось постоянно подстраиваться под ситуацию, уровень стресса то поднимался, то падал. Всем остальным это казалось нормальным, они искренне верили, что все получится. И, как ни странно, все получалось. К концу работы мелкие неувязки и непредвиденные обстоятельства уже казались мне нормой, и я тоже начала верить, что все будет хорошо.

Кристи достала с заднего сиденья черную замшевую сумочку, отделанную бахромой.

– Мне неприятно это говорить, но я даю этой паре от силы год, – заметила она. – Девушка показалась мне жутко напуганной, долго они вместе не протянут.

Моника, сидящая на бампере, согласно протянула:

– Угу-у-у.

Она вообще не отличалась разговорчивостью; если честно, за все время совместной работы я слышала от нее только это и еще две фразы: «Завязывай» и «Даже не думай». Обе произносились в момент неодобрения или сомнения, а «угу-у-у» еще и в знак согласия. Все это говорилось медленно и задумчиво, без пауз. Не знаю, кто окрестил ее Монотоникой, но он определенно попал в точку.

– Как приедешь домой, – Делия обняла руками большой живот, – застирай ее сначала в холодной воде с отбеливателем, а уже потом бросай в машинку.

Только тогда я опустила взгляд на свою блузку с огромным пятном причудливых очертаний.

– Да, конечно, спасибо, – поблагодарила я.

Во время ужина я познакомилась с еще одной неприятной разновидностью клиентов. Друг жениха, подскочивший произнести тост, чересчур энергично размахивал руками и вылил на меня полный бокал каберне, а потом целых пять минут лапал за блузку, пытаясь стереть пятно. Меня даже Джейсон никогда так не тискал.

Джейсон. Только тут я осознала, что уже больше трех часов не вспоминаю о разрыве с Джейсоном и о своем новом статусе девушки с «перерывом в отношениях». Просто не было времени. Однако теперь, когда вечер закончился, я снова начала переваривать случившееся.

Из-за поворота вдруг показался свет фар, и к нам очень медленно подъехала большая и при ближайшем рассмотрении странная машина, белая с серыми пятнами. Она остановилась, и из окна высунулась голова.

– Дамы, – торжественно и официально возвестил голос изнутри, – встречайте «Бертмобиль»!

Все онемели. Делия изумленно ахнула.

– О боже, ты шутишь? – нахмурилась Кристи.

Водительская дверь со скрипом открылась, и из машины выпрыгнул довольный Берт.

– Что тебе не нравится? – возмутился он.

– Я думала, ты будешь ездить на машине дяди Генри, –

удивленно сказала Делия, подходя ближе. – Мы же договаривались!

В это время с пассажирской стороны вышел Уэс.

– Я передумал, – весело откликнулся Берт, звеня ключами.

Видно было, что он тщательно подбирал гардероб для выхода в свет – нарядная полосатая рубашка, брюки цвета хаки с кожаным ремнем и лоферы.

– Почему? – Делия внимательно вглядывалась в машину. – Погоди-ка, разве это не...

– Автомобиль с характером, который громко заявляет о себе? – закончил он за нее. – Да, именно.

– ...Машина «Скорой помощи»? – тихо закончила Делия.

– Это невозможно, – расхохоталась Кристи. – Берт! Только ты мог додуматься купить машину, в которой умирали люди.

– Где ты ее взял? – поинтересовалась Делия. – Это вообще законно?

Уэс, стоя за спиной брата, лишь покачал головой: «Даже не спрашивайте».

Приглядевшись к «Бертмобилю», я и вправду разглядела над решеткой радиатора покрашенные следы надписи.

– Я купил ее на распродаже подержанных машин неподалеку от аэропорта, – отозвался Берт, сияя от гордости, словно ему досталась новая модель «Порше». – У парня, который добыл ее на городском аукционе. Ну, разве она не крутая?

Делия взглянула на Уэса:

– А что с «Олдсмобилем» дяди Генри?

– Я пытался остановить Берта, – развел руками Уэс. – Но ты ведь знаешь, если ему что-то втемяшится в голову... и к тому же это его деньги.

– Разве «Олдсмобилем» можно заявить о себе? – возмутился Берт.

– Берт, – Кристи посмотрела на него, – а такой одеждой разве можно заявить о себе? Я ведь просила тебя не одеваться как чей-то дедушка? Что это за рубашка из полиэстера?

Берт, которого нисколько не задела ее замечания, ответил:

– Это не полиэстер, а искусственный шелк. И, к твоему сведению, приличным девушкам нравятся хорошо одетые мужчины.

Кристи закатила глаза, Уэс прикрыл лицо рукой. Моника у меня за спиной пробормотала:

– Даже не думай.

– Это «Скорая помощь», – громко сказала Делия, словно, произнося это вслух, надеялась быстрее привыкнуть к ужасному факту.

– Бывшая «Скорая помощь», – поправил Берт. – У нее есть история. Она личность. И у нее была...

– Лучшая цена на распродаже, – закончил за него Уэс. – И вернуть ее не получится. Если ты выехал на ней со стоянки, назад уже не примут.

Делия вздохнула, покачав головой.

– Я хотел именно это! – воскликнул Берт. Все замолчали: что тут возразишь?

Наконец Делия подошла к мальчику, обняла его и прижала к себе.

– Ладно. С днем рождения, наш юный мужчина! Поверить не могу – тебе уже шестнадцать! Теперь я чувствую себя старой.

– Ты не старая, – утешил он.

– Достаточно старая, чтобы помнить день, когда ты родился. – Делия пригладила ему волосы. – Твоя мама была так счастлива. Она сказала, что ты – ее сбывшаяся мечта.

Берт опустил голову, теребя пальцами ключи. Делия наклонилась к нему и прошептала что-то на ухо. Мальчик кивнул, а затем, вспыхнув, поднял голову, и что-то в его лице показалось мне до боли знакомым. Но он тут же отвернулся, и это чувство ушло.

– Кстати, вы знакомы с Мейси? – опомнилась Делия. – Мейси, это мои племянники – Уэс и Берт.

– Мы уже как-то встречались, – сказала я.

– Да, Берт выпрыгнул на нее из кустов, – напомнил Уэс.

– О господи. – Кристи удивленно перевела взгляд с одного на другого. – Вы до сих пор страдаете этой ерундой? Какая глупость!

– Просто хотел сократить разницу в счете, я отстаю от него на целых три очка. – Берт виновато посмотрел на меня.

– Тебе повезло, что это была не я, – фыркнула Кристи, доставая из сумки пилочку для ногтей. – Первый же, кто выскочит на меня из-за двери, получит ногой в живот, и мне все равно, какой там у него счет.

– Угу, – согласилась Моника.

– Я думал, что там Уэс, – упрямо повторил мальчик. – И выпрыгивал не из-за двери, это слишком просто. Мы перешли на другой уровень.

– Ну-ну! – недоверчиво хмыкнула Кристи, но Берт и ухом не повел.

– Это у них такая дурацкая игра, – пояснила мне Кристи. – Они выпрыгивают из-за угла друг на друга, а иногда на нас, чтобы напугать до полусмерти.

– Это хитроумная игра, – убежденно сказал Берт.

– Может, полоумная? – спросила Кристи.

– Она очень классная, – упорствовал Берт.

– Знаете, не хочется вас прерывать, – зевнула в кулак Делия, – но мне давно пора домой. Пожилым беременным дамам нужно ложиться в постельку задолго до полуночи.

– Да, поехали! – Берт погладил по капоту свое сокровище. – Вечер в самом разгаре. «Бертмобилю» нужно боевое крещение!

– Мы будем разъезжать по городу в «Скорой помощи»? – фыркнула Кристи.

– Она очень удобная. Лучше, чем обычная машина.

– А CD-плеер там есть?

– Вообще-то...

– Нет, – перебил его Уэс. – Зато есть поломанная рация.

– Ну, тогда согласна.

Берт мрачно покосился на нее, но Кристи улыбнулась ему и пошла к машине. Моника встала и последовала за ней.

– Веселого вечера, – крикнула им Делия. – И не гоняй слишком быстро, Берт, слышишь?

Все, кроме Уэса, расхохотались, он тоже еле сдерживался, а Берт невозмутимо занял место водителя.

– Уэс! Можешь подойти на секунду? – попросила Делия, уже сидевшая в своей машине.

Уэс направился к ней, но я стояла на дороге, и мы оба одновременно шагнули сначала в одну сторону, потом в другую. Во время этого нелепого танца я заметила, что вблизи он еще красивее, чем издалека: темные глаза, длинные ресницы, выющиеся волосы, стройная фигура в джинсах с низкой посадкой. А из-под рукава футболки виднелась татуировка, похожая на кельтский символ. Я наконец остановилась, и он смог меня обойти.

– Извини, – с улыбкой сказал он, а я покраснела, как последняя дура.

– А где мы будем сидеть? – раздался голос Кристи из «Бертмобиля». – О боже, это что, каталка?

– Нет, – сказал Берт, – всего лишь раскладушка, пока я не придумаю что-нибудь поудобнее.

– Раскладушка? – вытаращила глаза Кристи. – Берт, ты

для своего возраста слишком озабочен возможностями этого автомобиля.

– Садись и не выпендривайся. Время уходит, а у меня день рождения, – не выдержал именинник.

– Хорошего вечера, – пожелал мне Уэс, возвращаясь к «Бертмобиллю».

Копаясь в сумочке в поисках ключей, я молча кивнула, словно разучилась говорить. Да что же со мной такое?! Когда я проходила мимо фургона, Делия сказала мне через окно:

– Ты замечательно справилась, Мейси. Просто великолепно.

– Спасибо.

Она взяла с торпеды ручку, достала из кармана помятую салфетку и написала свой номер.

– Позвони в понедельник, и я скажу, когда ты понадобишься в следующий раз.

– Хорошо. Еще раз спасибо, я отлично провела время.

Делия чуть удивленно улыбнулась:

– Правда? Ну что ж, я рада. Будь осторожна.

Я снова кивнула, она посигналила и поехала. Когда я открывала свою машину, со мной поравнялся «Бертмобиль».

– Эй, Мейси! – Кристи высунулась в окно. В машине гремела музыка. – Поехали с нами!

– Не могу, – смутилась я. – Мне нужно домой...

Кристи разочарованно пожала плечами и сделала музыку чуть тише.

– Ты точно хочешь пропустить все веселье? Когда еще покатаешься на настоящей «Скорой помощи»?

«Лучше бы никогда», – подумала я.

– Это переделанная «Скорая помощь», – проворчал Берт.

– Да какая разница, – не унималась Кристи, – поехали, оторвемся как следует.

– Нет, мне правда домой надо. Но спасибо за приглашение.

– Ладно, как хочешь. Тогда в следующий раз?

– Конечно, почему нет?

Я стояла возле машины и смотрела, как «Скорая помощь» отъезжает от дома. Берт разворачивался очень медленно и осторожно. Уэс поднял руку и помахал мне. Может, в другой жизни я рискнула бы сесть в эту машину, не вспоминая о прошлом и не думая о последствиях, но недавняя попытка рискнуть закончилась для меня крайне неудачно: чтобы это понять, достаточно было вернуться домой и взглянуть на монитор. Поэтому я сделала то, что считала правильным: проведив взглядом поворачивающий на дорогу «Бертмобиль», села в свою машину и поехала домой.

Глава 5

Дорогой Джейсон, я получила твое письмо и, должна сказать, чрезвычайно удивилась, узнав, что ты считаешь...

Нет.

Дорогой Джейсон, я получила твое письмо, и меня не покидает чувство, что, наверное, тебе следовало предупредить меня заранее, если наши отношения...

Не то.

Дорогой Джейсон, я получила твое письмо и не могу поверить, что ты так со мной поступил, ведь я всего лишь сказала, что люблю тебя, и большинство людей, которые встречаются...

Не годится.

Я убила два выходных дня, упражняясь в эпистолярном жанре, чтобы сочинить достойный ответ на письмо Джейсона, но наступил понедельник, а я так ничего и не придумала. Дело в том, его письмо было написано таким холодным, бесчувственным тоном, что мне хотелось ответить в том же духе, но не получалось. Как я ни старалась, в написанных мною строчках легко читались грусть, обида и даже отчаяние. В итоге я решила, что лучше оставить письмо без ответа. Джейсон больше не писал, и я поняла, что он расценил

мое молчание как знак согласия. В конце концов, он ведь этого и добивался.

По дороге на работу я остановилась на светофоре за машиной «Скорой помощи», и сразу же вспомнила, в который раз за эти выходные, об «Уиш кейтеринг». Я уже призналась маме, что у меня новая работа – пришлось, когда она обнаружила мою пятнистую блузку, замоченную в отбеливателе. Вот и слушай после этого полезные советы.

– Но ведь у тебя уже есть работа, Мейси? – сказала она скорее вопросительным, чем недовольным тоном.

– Да, мам, – отозвалась я, а она снова подозрительно покосилась на футболку, – просто в пятницу я случайно наткнулась на Делию в супермаркете, ей срочно нужна была официантка, и я решила попробовать. Как-то само собой получилось.

По крайней мере, в последнем предложении я не соврала. Мама захлопнула дверцу стиральной машины и скрестила руки на груди.

– Мне кажется, ты слишком много на себя взвалила, – заметила она. – Работа в библиотеке – огромная ответственность, и ты обещала Джейсону, что будешь отдавать ей все свои силы.

Это был самый подходящий момент, чтобы откровенно рассказать маме о решении Джейсона и о нашем разрыве, но я не решилась. В маминых глазах я – образцовая дочь, серьезная и ответственная девочка, которая хорошо учится,

занимается важным делом и встречается с умным, примерным мальчиком. Разрыв с Джейсоном, даже временный, может испортить ее впечатление обо мне. Пусть я не соответствую высоким стандартам Джейсона – маме об этом знать ни к чему.

– Ресторан – работа от случая к случаю, – сказала я, – и она не будет отвлекать меня от библиотеки. Я, может, помогу там пару раз, просто... для развлечения.

– Для развлечения? – Мама так удивилась, как будто я сказала, что собираюсь ради забавы вбивать себе в руки гвозди. – Мне кажется, это ужасно тяжело – весь вечер бегать с подносом и подавать людям закуски. К тому же эта женщина показалась мне жутко неорганизованной.

– Ничего подобного! – возразила я. – В пятницу все было совершенно иначе. Просто на нашем приеме все пошло не совсем так, как планировалось, а обычно у них все в порядке.

– Правда?

Я кивнула. Опять вранье. Но мама все равно не поймет, чем меня так привлекает сумасшедший дом Делии. Я и сама не совсем понимала, но точно знала одно: в пятницу вечером я прекрасно провела время, и вспоминала об этом все выходные, занимаясь своими обычными делами: йога, стирка, уборка в ванной, обед и ужин в одно и то же время, мытье посуды, попытки сочинить ответ Джейсону и отход ко сну в одиннадцать часов. А засыпала я не раньше двух часов ночи. За эти двое суток я ни с кем не разговаривала, кроме те-

левизора, и в доме было так тихо, что иной раз, сидя за кухонным столом, я прислушивалась к своему дыханию, чтобы убедиться, что еще жива.

– Ну ладно, посмотрим, – согласилась наконец мама. – Только обещай, что главной для тебя будет работа в библиотеке, хорошо?

– Конечно, – согласилась я, нажимая на кнопку. Вода в машинке забурлила и поглотила блузку с пятном.

Вторая рабочая неделя началась для меня в восемь часов пятьдесят минут, когда я вошла в библиотеку и обнаружила, что Аманда с Бетани уже сидят на своих местах, хотя рабочий день начинается в девять. Меня охватил невыносимый ужас, что придется провести в этой тишине еще неделю, а потом еще, и еще. Увидев меня, Аманда подняла голову.

– О, Мейси, – приветствовала она меня еще более удивленным тоном, чем обычно. – А мы тут как раз обсуждали, придешь ли ты, учитывая...

Я поняла, что она имеет в виду. Джейсон, конечно, умел хранить секреты, но в «лагере для умников» отдыхали еще несколько человек из нашей школы, в том числе некий Боб, друживший одновременно с Амандой и Джейсоном. Как бы то ни было, наш разрыв уже не был тайной для этих всезнаек.

– ...Учитывая то, что случилось у вас с Джейсоном, – закончила она и состроила сочувственную гримасу.

Я повернулась и посмотрела ей в глаза:

– Это всего лишь временный перерыв. И он не имеет ни-

какого отношения к моей работе.

– Возможно, – сказала она, – мы просто боялись, что это может, так сказать, повлиять на твою работоспособность.

Я покачала головой:

– Не бойтесь. Не может.

Села на свое место, повернулась к компьютеру и увидела их скорбные лица, отразившиеся на мониторе. Они считали меня жалкой.

Так начался мой самый долгий рабочий день. Ничего особенного делать не пришлось, но я побила личный рекорд, ответив на целых два вопроса. Небритый мужчина, от которого за километр несло перегаром, спросил, нет ли у нас вакансий, а шестилетний мальчик настойчиво требовал адрес Микки-Мауса. Очевидно, Бетани и Аманда сочли эти вопросы вполне подходящими для моего уровня развития и не стали тратить на них свое бесценное время. Я окончательно поняла, что первую неделю они меня еще терпели, а теперь просто игнорировали.

После ужина я, как всегда, доводила кухню до зеркального блеска, и вдруг зазвонил телефон. Я подумала, что это мамыны клиенты, но мама открыла дверь кабинета и крикнула:

– Мейси, это тебя!

Я подошла к телефону и взяла трубку, гадая, кто может мне звонить. Поднеся ее к уху, я услышала отчаянные рыдания, а затем умоляющий голос:

– Люси, милая, пожалуйста, дай мне сказать несколько слов. Ну почему ты всегда устраиваешь истерику, когда мне надо поговорить по телефону?

– Алло? – сказала я.

– Мейси, привет, это Делия. – Рев раздался с новой силой. – Люси, солнышко, ради бога, умоляю тебя, позволь мамочке поговорить, хорошо? Смотри, вот твой зайчик.

Я сидела с трубкой в руке и ждала. Плач перешел в шмыганье носом, а потом в икоту, и вдруг затих.

– Извини, Мейси, ты еще там?

– Да-да, слушаю, – заверила я ее.

Делия устало вздохнула:

– Дело в том, что мне нужна помощь. У нас завтра большой выезд, и нужно приготовить еще две сотни канапе, а помочь совершенно некому. Ты, случайно, не можешь?

– Сегодня? – Я посмотрела на часы. Пять минут восьмого. В это время я обычно поднимаюсь в свою комнату, проверяю электронную почту, чищу зубы и переворачиваю пару страниц учебника для успокоения совести, перед тем как устроиться на остаток вечера перед телевизором.

– Я понимаю, что надо предупреждать заранее, просто, как назло, все оказались заняты. Ничего страшного, если ты откажешься, я так, на всякий случай – попалась на глаза визитка твоей мамы, и я решила попытать счастья, вдруг ты свободна.

– Ну-у, – протянула я, уже готовясь сказать «нет, извини,

не могу», но окинула взглядом свою тихую, пустую, вымытую до блеска кухню и вспомнила, как любила когда-то такие ранние летние вечера. Мое любимое время, когда спадает жара и появляются светлячки. Как я могла об этом забыть?

– Не знаю, и почему я решила, что ты захочешь потратить вечер на мытье салата и намазывание хлеба крем-сыром, – продолжала Делия, возвращая меня к реальности, – просто подумала – вдруг у тебя нет других дел и...

– Да, – неожиданно для себя сказала я, – у меня нет других дел.

– Правда? – обрадовалась она. – Это же замечательно! О господи, ты просто спасаешь меня, Мейси! Тогда слушай... – И стала объяснять мне, куда ехать. – Это далеко, – сказала она, – но я оплачу тебе и дорогу.

Хватая ручку и придвигая к себе блокнот, я вдруг забеспокоилась, что отступаю от своих ежедневных привычек. «Это ведь всего на один раз. Посмотрим, к чему он приведет», – уговаривала я себя. Светлячки, наверное, уже вылетели. А может, дело не во времени года и не во времени суток, а в целом мире, о котором я забыла и никогда не вспомню, если не решусь сделать этот шаг.

Указания Делии походили на нее саму: местами все ясно, а местами полный туман. Первая половина пути оказалась легкой – я проехала по главной дороге через весь город, потом новые кварталы и офисные здания сменились неболь-

шими фермерскими домиками, начались пастбища и луга с коровами. И тут я запуталась: никак не могла найти поворот, который должен вести к дому Делии. Его просто не было. Я уже несколько раз проехала мимо киоска с ярко-красной вывеской: «ПОМИДОРЫ. СВЕЖИЕ ЦВЕТЫ. ПИРОГИ», возле которого сидела в садовом кресле пожилая леди с большим фонариком и книгой в мягкой обложке. Когда я проехала мимо нее в третий раз, она отложила книгу и посмотрела на меня, а на четвертый не выдержала и крикнула мне вслед: – Ты, кажется, заблудилась?

Делия говорила, что к ее дому ведет грунтовая дорога, узкая и незаметная, ее легко пропустить. Я уже начала подумывать, что это, наверное, что-то вроде обряда посвящения новых работников, типа дедовщины или учебных лагерей в армии. Я сдала назад и остановилась напротив киоска. Женщина тем временем встала и подошла ко мне. На вид ей было чуть больше пятидесяти лет, седеющие волосы собраны в узел на затылке, одета в джинсы и светлую футболку, а вокруг внушительного объема талии повязана рубашка. Книга так и осталась у нее в руке, и я прочла название: «Выбор», Барбара Старр. На обложке были изображены мужчина с обнаженным торсом и прижавшаяся к нему женщина в слишком тесном платье. Вместо закладки из книги торчала пилочка для ногтей. Я опустила стекло:

– Извините, я ищу поворот на Свитбад-драйв, он должен быть где-то здесь, но его нет.

– Это он и есть, – женщина указала рукой на совсем узкую гравиевую дорожку справа от киоска, – неудивительно, что ты не заметила, прошлой ночью какие-то хулиганы опять сняли знак. Четвертый раз за год, представляешь? Теперь никто не найдет мой дом, пока Транспортный отдел не заменит указатель.

Только тут я заметила на другой стороне дороги голый металлический столб.

– Да, это ужасно, – сказала я.

– Ну, не то чтобы ужасно, однако все же неудобно, – ответила она. – Жизнь и без того непростая штука. В этом безумном мире у нас должна быть возможность хотя бы следовать знакам.

Она выпрямилась и потянулась.

– Свернешь, и все время прямо, только будь осторожна, там есть огромная выбоина, сразу после скульптуры, так что держись левее. Просто выдающаяся яма.

Женщина хлопнула рукой по капоту, улыбнулась и направилась к своему креслу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.